

Глава восьмая. Между двумя революциями

– Я здесь! Что вам угодно? – слышался голос из-за решетки забора.

Михаил Фроленко вздрогнул... На дворе 1908 год. До этой секунды их разделяли тридцать пять лет астрономического времени. Из них более двадцати семи он провел в казематах Петропавловской крепости и Шлиссельбурга. По решению суда там он должен был и умереть, ибо каторга для него была вечной. Ведь таким отважным, отпетым, как он, милости царей было ждать бессмысленно. В 1870-е годы Михаил Фроленко вел пропаганду среди рабочих в Москве, затем – среди крестьян на Урале. В 1878 году, чтобы вызволить лидеров Чигиринского заговора, устроился надзирателем в Киевскую тюрьму и устроил им побег. Он состоял членом Исполнительного комитета «Народной воли», был среди организаторов покушения на Александра II в 1879 и 1881 годах. В Шлиссельбурге чуть не умер от цинги, а любимая жена его скончалась на каторге от цинги и туберкулеза.

Все это Кропоткин живо представит, глядя на брелок для ключей, подаренный ему политкаторжанами в честь семидесятилетия в 1912 году. Брелок, сделанный в виде кандалов теми, кто эти тяжелые кандалы не один год носил на собственных руках и ногах. Если, читатель, ты думаешь, что мы шутим, – прогуляйся по улице Лесной в районе станции метро «Новослободская», по живописным местам рядом с Бутырской тюрьмой. Тюрьмой, где в то время сидели ученики и оппоненты Кропоткина из анархистов – Нестор Махно, Яков Новомирский и другие. Там, в старинном доме, располагается музей «Подпольная типография 1905–1906 годов». А на втором этаже – экспозиция, посвященная тюрьмам, каторге и ссылке в Российской империи начала прошлого века. Там ты и увидишь этот брелок...

После амнистии, которой добились участники Первой Российской революции, еще три года Фроленко прожил на свободе под надзором полиции. Но что такое три года по сравнению с десятилетиями в каменных мешках?! Что по сравнению с этим моря, границы государств, тысячи километров территории, также разделявшие политэмигранта Петра Кропоткина и его бывшего товарища по революционной работе в России Михаила Фроленко? Того самого «кавказского медведя» из московского кружка «чайковцев», с которым они когда-то толковали в Москве. Но вот теперь, приехав в Англию, старик Фроленко битый час искал дом Кропоткина на улице, расспрашивая прохожих. Вот ведь незадача! Знать название улицы и не знать номера дома! Англичане почему-то тоже ничего не знали, черт их побери. Неужели все впустую? И вдруг вот такая удача!

Михаил Федорович подбежал к ограде. «И – о диво! – перед нами то же лицо, та же милая сердечная улыбка, тот же человек, правда, постаревший и пополнившийся, но суть-то, душа,

бодрость, чисто братское отношение остались те же»[1466]. Они еще неоднократно встречались в Лондоне, беседовали, вспоминали свои «дела давно минувших дней» и, наверное, говорили о делах нынешних.

* * *

А как обстояли эти дела? Волны Российской революции 1905–1907 годов схлынули, но победа самодержавия оказалась пирровой. И Петр Алексеевич хорошо понимал это. Даже потерпевшая поражение, революция оставила глубочайший след в российском обществе. «Новая Россия народилась за эти три или четыре года, Россия, вкусившая свободы, и никогда она не вернется в прежнее старое ярмо, – пишет он 25 апреля 1909 года женеvскому анархисту Луиджи Бертони (1872–1947), издателю журнала *Il Risveglio / Le Réveil*. – Все кажется спокойно, но теперь уже не в среде интеллигенции, а на заводах и в деревнях растет дух возмущения. Этот дух они не истребят расстрелами и виселицей. Кровью, которую они проливают, они только готовят реки крови»[1467].

В стране появилось настоящее анархистское движение – пусть еще делающее первые шаги, пусть изнемогавшее под ударами репрессий, пусть раздираемое разногласиями и противоречиями. Главное – оно уже было, и это не могло не внушать надежды после трех десятилетий глухой эмиграции. Уже сотни тысяч, если не миллионы, россиян ознакомились с анархистскими идеями. А ведь прежде на анархическую социальную революцию в России рассчитывать, увы, не приходилось: не только из-за засилья реакции, но и потому, что в общественном движении полностью преобладали либералы или социалисты-государственники. «Партия нашла наконец самую себя! Теперь я спокоен, – писал Петр Алексеевич Гильому в декабре 1906 года. – Настоящая анархистическая партия, в серьезном смысле слова, находится в процессе окончательного образования в России. Были посажены здоровые ростки»[1468].

Тем не менее оказывать помощь и поддержку этому движению Кропоткину по-прежнему приходилось из-за рубежа. «В России я не был, – рассказывал он в письме немецкому исследователю анархизма Паулю Эльцбахеру. – Мы дважды собирались туда и даже уложили вещи – в декабре 1905 и в мае 1906. Но дважды возобновлялась реакция, ярость которой трудно представить, находясь за границей. Арест, смерть – все это во время революции второстепенно. Но я, будучи анархистом, не смог бы там ничего сделать; а оставаться безучастным зрителем этой бойни я тоже не мог бы»[1469]. В марте 1907 года он все еще думал о возможности поехать на родину, но после третьеиюньского переворота эти задумки окончательно ушли в область невозможного.

Бывшая редакция «Листков "Хлеб и Воля"» продолжала работать. По инициативе Кропоткина группа «Хлеб и Воля» выпустила серию брошюр. Среди них была его работа «Нравственные начала анархизма». Затем они издали русский перевод «Великой Французской революции», отредактированный самим Кропоткиным[1470].

Революция, как полагает историк А. В. Бирюков, возможно, принесла некоторое облегчение в материальной жизни Петра Алексеевича. Поскольку его коснулась амнистия октября 1905

года, опека государства над имением Петровское была снята. «И он, очевидно, – пишет Бирюков, – стал получать какие-то доходы с имения»[1471]. Впрочем, точных сведений на сей счет нет, хотя известно, что кое-какие вопросы, связанные с имением, он обсуждал в письмах с родственниками и их поверенными в делах. Петру Алексеевичу это имение было совершенно не нужно, и он собирался продать его крестьянам. Но против были совладельцы – семья брата[1472]. И уж тем более они возражали бы против безвозмездной передачи земли крестьянам. С ними и их поверенными Петр Алексеевич вел полемику в переписке. Племянник Николай желал самостоятельно вести хозяйство и планировал заложить под кредит в Дворянском банке земли, находившиеся в крестьянской аренде. Петру Алексеевичу такая мысль претила, но помешать совладельцам имения он был не в состоянии: «Относительно крестьян, это абсолютная несправедливость; а по отношению к нам – то чистейший самообман, который кончится полнейшим разорением и продажей заложенного и перезаложенного имения с молотка, за бесценок»[1473].

Зато, оставаясь вне пределов Российской империи, ему удалось стать настоящим «гуру» молодого российского анархизма. Этому способствовало широкое распространение его статей и брошюр, опубликованных как за рубежом, так и в самой России. К тому же Кропоткин мог использовать весь свой огромный авторитет в общественных, научных и политических кругах Британии и других стран Европы для того, чтобы обличать террористическую и репрессивную политику самодержавия и организовывать кампании поддержки и солидарности с ее жертвами.

Характерно, что даже ярые политические противники анархистов, такие как, скажем, бельгийские социалисты Эмиль Вандервельде (1866–1938) и Камиль Гюисманс (1871–1968) или немецкий социал-демократ Альберт Зюдекум (1871–1944), выражали теперь ему, «дедушке русской революции», свое подчеркнутое уважение. Впрочем, иронизировал Петр Алексеевич в письме к Гильому от 21 октября 1906 года, их «план действий по отношению ко мне был – всегда стараться меня выделять из анархистов, говоря: "Кропоткин еще куда ни шло! но не остальная же компания!" – и это после того, как они меня костили на все корки! Каждый раз, как я что-нибудь напишу, что привлечет общественное внимание, повторяется то же самое...»[1474]

* * *

Хроническая болезнь, мучившая его с 1895 года, снова обострилась. «Последние дни я снова был в постели с повышенной температурой, кашлем и головной болью в результате», – писал он Гильому 16 марта 1907 года. На сей раз врачам удалось поставить больному диагноз: «Самое неприятное, что доктор находит расширение капиллярных сосудов в бронхах во всей нижней части левого легкого с хроническим отеком; он говорит, что это протянется еще два месяца, до весны, и снова возвратится с наступлением зимы, но это не туберкулез, чему приходится радоваться за неимением лучшего»[1475].

Вообще, начиная с этого времени болезни за Петром Алексеевичем ходили по пятам. Привыкай, читатель, пуганный ковидом-19, и не удивляйся, если наше повествование дальше покажется тебе выдержками из больничной сводки.

Лето 1907 года Кропоткины провели во Франции, в Бретани, куда их пригласил старый народник-эмигрант Давид Аитов. В июле, находясь проездом в Париже, Петр Алексеевич успел встретиться с русскими анархистами Марией Гольдсмит, Книжником-Ветровым и Елизаветой Николаевной Маньковской-Ковальской (1851–1943), обсудив с ними деятельность редакции «Листков». В бретонском местечке Польдю он прожил до сентября. «Место здесь прекрасное, – сообщал он Марии Гольдсмит. – Вид на море чудный. Но работать вовсе еще не мог. Бессонные ночи еще не заспал. Соня и Саша здоровы»[1476].

Необходимость отдыха помешала Петру Алексеевичу принять участие в событии, которое давно уже готовилось анархистами всего мира. С 24 по 31 августа 1907 года в Амстердаме наконец-то собрался международный анархистский конгресс. На него съехались ведущие участники движения из стран Европы и Америки, включая Ньивенхёйса, Малатесту, Эмму Гольдман, швейцарца Амеде Дюнуа (1878–1945), французского синдикалиста Пьера Монатта (1881–1960), анархистов из России Рогдаева, Федорова-Забрежнева и других[1477]. Одним из обсуждаемых вопросов было отношение анархистов к профсоюзам и революционно-синдикалистскому движению. Петру Алексеевичу было что сказать по этому поводу, ведь он всю жизнь отстаивал участие анархистов в рабочей борьбе. Но конгресс так и прошел без него.

Однако одним из представителей анархистского движения Британии на форуме в Амстердаме был близкий друг и сотрудник Кропоткина – Александр Шапиро, которого тот называл Саня. Тогда еще молодой человек, Саня Шапиро некоторое время учился в Сорбонне, а в 1900-м переехал в Лондон, где активно участвовал в еврейской анархистской группе в Уайтчепеле и сблизился с Кропоткиным и Черкезовым. Позднее Шапиро стал секретарем Кропоткина. На конгрессе в Амстердаме Саню избрали секретарем Интернационального анархистского бюро. В последующие годы он самым тесным образом сотрудничал с Петром Алексеевичем, в 1917-м вернулся в революционную Россию, а в 1923 году, после новой эмиграции, стал одним из создателей и секретарей Международной ассоциации трудящихся – Интернационала анархо-синдикалистских профсоюзов.

В сентябре 1907 года Кропоткины вернулись из Бретани в Англию, по дороге вновь ненадолго остановившись в Париже, в «Американском отеле» (Hôtel Américain) на бульваре Сен-Мишель. Там он смог обменяться мнениями с возвращавшейся из Амстердама Эммой Гольдман.

В октябре Кропоткины решились на переезд из Бромли на северную окраину Лондона, в «очень высокий, лесистый и чистый» район, с удобным omnibusным сообщением с Лейстерсквером и станцией Хайгейт. Им хотелось быть поближе к дочери Саше, которая училась в университетском колледже[1478]. Переезд оказался нелегким: «пришлось перевезти 40 ящиков и бочек (Sic!) книг, сделать для них полки, найти место для всей этой массы бумаги и разместить ее, причем я уставил все книги и карточки с бумагами сам собственноручно, смахнув с них всю покрывавшую их пыль», – рассказывал Петр Алексеевич в письме к Гильому 20 октября[1479]. Дом № 5 на холме в районе вилл Онслоу по улице Масуэлл Хилл-роуд в лондонском Хайгейте был полон солнца. С одной стороны к нему примыкал редкий для Лондона настоящий лес, а холм спускался к саду.

В Хайгейте, по воспоминаниям приезжавшего к нему племянника, Петр Алексеевич «вел все тот же регулярный трудовой образ жизни. Целые дни он проводил у себя в кабинете, заваленном и заставленном массой книг, и появлялся только к столу. Раз в неделю, в воскресенье, он принимал всех, кто хотел прийти. Общество, бывшее у него, было необычайно разнообразно и разношерстно – и русские эмигранты, и студенты, и русские господа, приезжавшие в Англию, из которых в то время многие увлекались его книгой "Поля, фабрики и мастерские", вместе с трудами Рёскина вызвавшей нечто вроде общественного движения к сельской жизни». Кропоткин по-прежнему сохранял живость и жизнерадостность, «был чрезвычайно весел, любил шутить, смеяться, был всегда необыкновенно подвижен, можно сказать, что почти бегал бегом по лестнице и комнатам. В это время ему шел 68-й год, но он, кроме седой бороды и волос, почти не носил признаков старости: довольно плотная, живая и подвижная фигура, румянец, совершенно юные, живые, очень красивые, темно-голубые глаза, которые иногда казались почти черными»[1480].

Впрочем, и на новом месте болезнь не оставляла Кропоткина. Зимой 1908 года ему снова становится хуже. «Я все еще не выхожу из дома. Сажу часа 2-3 в кресле, пишу, читаю, но очень слаб, – рассказывает он 29 января в письме к Марии Гольдсмит. – Осмотрел меня специалист. Эмфизема в обоих легких внизу. Зимой оставаться в Англии безусловно нельзя будет. В этот раз на волос избег бронхо-пневмонии. Иначе – бодро смотрю вперед, на свои работы»[1481].

* * *

Петр Алексеевич продолжал, несмотря ни на что, трудиться над книгами и статьями. Правда, ему пришлось жить и работать в спальне, лишь иногда выбираясь в библиотеку дома для поиска нужных книг. Вначале Кропоткин поехал на лечение в Борнмут, но там оказалось холодно, и медики советовали ему отправиться на юг. В апреле Петр Алексеевич после долгого сопротивления наконец последовал этим настояниям. Живший в Асконе близ Локарно в Швейцарии немецкий врач, специалист по легочным заболеваниям Рафаэль Фридеберг (1863–1940), «анархо-социалист» по убеждениям, горячий сторонник синдикализма и тактики всеобщей стачки, пригласил его к себе на лечение. Кропоткин поселился на итальянской стороне, близ маленького городка Каннобио, «совершенно очаровательного местечка в 80 метрах над берегом красивейшего озера» Лаго-Маджоре[1482]. В нем сохранились средневековые здания, старинные узкие улочки, роскошные дворцы и барочные церкви.

Находясь на лечении, Кропоткин встретился со швейцарским анархистом Луиджи Бертони и своими старыми друзьями Дюмартре и Герцигом. К нему приезжали Софья Лаврова, швейцарский синдикалист Макс Тоблер (1876–1929) и другие гости. Не забывал Петр Алексеевич и о делах в России. Обсуждая в переписке с Марией Гольдсмит возможность возобновления русского анархистского издания «хлебовольческой» направленности, он с сожалением замечал: «При теперешнем состоянии моего здоровья мне и думать нечего о том, чтобы затевать газету и журнал». Но он советовал анархистской «молодежи» «составить группу и начать издавать что-нибудь периодическое». К примеру, брошюры под

общим заголовком «Библиотека "Хлеба и Воли"»[1483]. Членом «нашей группы „Х[леб] и В[оля]“» Кропоткин считал себя едва ли не до отъезда в Россию, о чем свидетельствует его письмо Александру Шапиро от 14 января 1916 года[1484].

На Лаго-Маджоре Кропоткин провел около двух месяцев. Дочь Саша смогла наконец отправиться в Россию. А Софья Григорьевна, поехавшая с ним в Италию, почувствовала себя не очень хорошо. Так что им пришлось возвратиться в Англию. Но лечение позволило пациенту значительно улучшить состояние здоровья. По свидетельству Неттлау, Петр Алексеевич «с того времени всецело слушался» Фридеберга: «В последующие годы время отъезда на юг и выбор места пребывания, а также время возвращения на север диктовались врачом. Целью доктора было увеличить в больном силу сопротивления болезни и заставить его менять климат в надлежащее время, чтобы не дать переменам времен года отразиться на его ослабленном организме. Также и часы работы были более урегулированы, чтобы избежать периодов переутомления, чередующихся с периодами полной протрации. В общем, лечение принесло хорошие результаты и дало больному более длительные периоды сравнительно удовлетворительного самочувствия»[1485].

* * *

Издавать газету было невозможно. Революция завершилась, массовое народное движение в России шло на спад. Но потребность в журнале, который бы выражал точку зрения Кропоткина и его сторонников, сохранялась. Осенью 1908 года он получил письмо от анархистов из Москвы и Санкт-Петербурга, просивших «возобновить журнал». «А их просьба – из России! – для меня приказ»[1486], – писал он американским товарищам. В начале ноября 1908 года он встретился с «хлебовольцами». Они договорились «общими силами» выпускать журнал «Хлеб и Воля». Его редактором стал Георгий Гогелиа[1487]. Сто долларов на издание журнала в январе 1909 года прислал из США Яновский[1488].

В феврале – марте 1908 года вышел первый номер журнала. Его открывала передовая статья Кропоткина с заголовком, актуальным на все времена и случаи: «Что же дальше?» Что же предлагал делать «дальше» самый известный анархист России и всего мира?

«Движения 1905-го и 1906 года» не доросли до революции, подобной Великой Французской конца XVIII века и Английской 1648 года. Прежде всего, в центральных и южных губерниях России не произошло массового крестьянского восстания с захватами земель помещиков. Крестьянская война сломала бы силу государства и дала бы возможность провозгласить коммуны[1489]. Много десятилетий работу по подготовке крестьянской революции вели народники, толстовцы и другие левые интеллигенты, жившие в деревне. Но в то же время их успешной работе мешала антикрестьянская идеология марксистов, получившая очень сильное распространение в России конца XIX – начала XX века. Испытывая почти суеверный страх перед крестьянскими восстаниями, которым приписывались всевозможные ужасы, они пытались отговаривать крестьян от подобных акций. Вместо этого проводилась идея участия в выборах в Государственную думу как альтернатива восстанию[1490].

Еще одна причина поражения революции – мировоззренческая. Проблема заключалась в представлениях о том, какой должна быть революция, в тех представлениях, которыми руководствовались революционеры. Сыграли свою роль марксистские догмы о том, что эта революция – «буржуазная» и «политическая», а ее цель – ликвидировать все препятствия для развития капитализма и установить в России демократический строй. Поэтому социалисты агитировали рабочих и крестьян против немедленного захвата земли и предприятий. Иными словами, ставили палки в колеса не только анархистам, но и любым радикальным действиям крестьян и рабочих[1491].

Но революция сильно изменила Россию. «Понятия, мысли, самые способы мышления и самый язык трудового народа во всей Российской империи изменились». Народ привык сопротивляться властям, утратил былой страх перед полицией и чиновниками. Появился большой слой смелой молодежи, сочувствующей социалистическим идеям и проникнутой «бунтовским духом». Крестьяне жаждут отобрать землю у помещиков и провести ее «черный передел»[1492].

Но, как говорил Чернышевский, «Что делать?». Нужно, чтобы революция «продолжалась во всех возможных ее видах» и «сильнее и сильнее давала себя чувствовать власть имущим»[1493]. А как это сделать? Не допускать любые попытки отнять завоевания революции. Теми методами, которые были опробованы в 1905 году: «Нужно, чтобы на каждый акт насилия со стороны всех власть имеющих немедленно давался революционный отпор во всех возможных видах, смотря по характеру насилия, темпераменту личности и т. д., – но всегда, насколько возможно, массовый отпор. Нужно, чтобы всегда выступала основная черта всякого революционного брожения: обида, нанесенная одному, нанесена всем»[1494]. При этом ответственность за «обиды» Кропоткин возлагал на руководителей, а не на рядовых подчиненных: «...за обидчика полицейского, урядника, нарядчика или стражника – должны отвечать несравненно больше, чем исполнители, их начальники. От них идет науськивание и зверства»[1495]. Эта логика сработала в феврале 1917 года, когда революционеры и рабочие не стреляли в рядовых солдат и казаков, а агитировали их перейти на свою сторону. Нападение на всех сразу сплачивает, а разделение, которое предлагал Кропоткин, давало исполнителям репрессий и притеснений шанс на прощение и безопасность. И анархисты, полагал Кропоткин, в этой ситуации должны быть не героями-одиночками с браунингами и бомбами, а организаторами и агитаторами «среди народных масс, в городах и деревнях»[1496].

В июле 1909 года вышел в свет второй номер журнала; в нем были опубликованы статьи Кропоткина «Наши задачи» и «Анархизм и его приемы борьбы». Поражение революции, массовые аресты революционеров, разгром революционных партий и организаций на территории России, казни и отправка на каторгу участников восстаний – все это было реальностью того времени. В таких условиях Петр Алексеевич призвал объединиться анархистов, «понимающих, что революции вообще, а тем более анархические движения, могут совершаться только народными массами, среди которых распространяются анархо-коммунистические воззрения. Людьями, проникнутыми этими воззрениями»[1497]. Анархистам, стоящим на этой позиции, он предлагал создавать небольшие группы из двух – десяти человек в городах и деревнях. Их целью было завоевать авторитет среди рабочих и крестьян в своей местности, чтобы затем «внести революционную мысль в волнующиеся

массы», чтобы во время следующей революции вдохновлять их на воплощение в жизнь анархистских идей[1498]. В условиях, когда полицейские провокаторы внедрялись в организации революционеров, единственным средством защиты от них, считал Кропоткин, остается отказ от руководящих структур (комитетов) и создание небольших кружков, состоящих из людей, хорошо знающих друг друга[1499].

После выхода второго номера издание прекратилось. Судя по письмам самого Кропоткина, это произошло из-за отсутствия средств[1500].

* * *

В последующие годы Кропоткин повторял поездки в Швейцарию. С декабря 1908 года до мая 1909 года он жил на «Красной вилле» («Вилла Росса») в Локарно, продолжая лечение у Фридеберга. Необходимые для работы книги пересылались ему в ящиках из Лондона. Старое постановление о высылке Петра Алексеевича из Швейцарии отменено не было, к нему явился для проверки полицейский комиссар. Дело оставили без последствий, вероятно, благодаря усилиям Гильома. В свободное время пациент общается со старыми друзьями и посещает виллу «Бароната», где когда-то жил Бакунин; к нему снова навещается Бертони[1501]. Вместе с британским социалистом Чарльзом Роули (1839-1933), почитателем творчества Уильяма Морриса, Кропоткин ездит на озеро Комо.

13 октября по приговору военного суда был расстрелян Франсиско Феррер (1859-1909) – тот самый всемирно известный педагог-анархист, создававший в Испании свободные школы. Его обвинили в организации восстания призывников в Барселоне, не желавших отправляться на колониальную войну в Марокко. Те события переросли в массовое восстание рабочих, получившее название «Трагическая неделя». Вина Феррера не была доказана, на тот момент он вообще отсутствовал в Барселоне. Тем не менее он был слишком заметной фигурой среди противников испанской монархии. Ряд высших чиновников и представители церкви фактически использовали восстание как повод для расправы над Феррером. Кропоткин был шокирован этой новостью; он тут же сел за стол и написал воззвание. «Они знали, что барселонские рабочие восстали против владычества КАПИТАЛИСТОВ, начавших войну в Марокко, ВОЕННЫХ, желавших этой войны ради грабежа, и ПОПОВ, решивших раздавить всякую свободную мысль в Испании», – выводила его рука. «Суеверие государства и суеверие религиозное – вот что разрушал Феррер. НЕ У ВЗРОСЛЫХ ТОЛЬКО, А С ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА», – продолжал Кропоткин. Текст завершался призывом: «Пусть каждый из нас будет таким же глубоким борцом против суеверия и против государства. И – ДА ЗДРАВСТВУЕТ АНАРХИЯ!»[1502]

Предложенный Кропоткиным проект резолюции с требованием всеобщей амнистии в Испании и России был единодушно принят. Текст выступления был отправлен Роккеру, но почему-то так и не был напечатан до 1931 года. Пытаясь расширить движение протеста против расправы над Феррером, Кропоткин написал письмо Бернарду Шоу, призывая его принять участие в митингах. Тот, правда, вежливо отказался, пояснив, что манифестации и так носят массовый характер, а возмущенных казнью испанского педагога – хоть отбавляй. Что говорить о чувствах Кропоткина... Фотографию расстрела Феррера, обошедшую все

крупные газеты мира, он хранил всю жизнь. Вместе с ним она приехала в подмосковный Дмитров и сейчас хранится в местном музее[1503].

А 21 октября в Мемориал Холл, в Лондоне состоялся массовый митинг протеста против смертной казни Феррера. Фактически его инициаторами были Александра и Софья Кропоткины. Они вели переговоры с лидерами Независимой рабочей партии. Петр Алексеевич произнес речь, открыто назвав палачами авторов и издателей консервативной прессы Британии, не выступивших в защиту Феррера или же одобрявших его казнь. Саша напечатала свою статью о деле Франсиско Феррера. Это был ее журналистский дебют...[1504]

* * *

В декабре 1909 года – мае 1910 года Кропоткины снова проводят зиму и весну в Италии, на «Вилла ди Марини» в курортном городке Рапалло. Лигурийская Ривьера приводит Петра Алексеевича в восторг. «Виды чудные, – рассказывал он в письме Марии Гольдсмит. – Прогулки дивные! Таких тонов при закате солнца нигде еще не видал. Одно слово – Средиземное море! И при одной мысли, что я на берегу этой колыбели нашей цивилизации, весь ум настраивается на какой-то высокий лад. Так и хочется написать что-нибудь хорошее. Какой я глупый, что раньше сюда не попадал. По-итальянски читаю романы без запинки; говорю с российской смелостью»[1505].

В Рапалло к нему наведася издатель Freedom, анархист-коммунист Альфред Марш (1858–1914). Оттуда Петр Алексеевич совершает небольшие «рейды» на несколько дней – в Геную, где изучает литературу по биологии в университетской библиотеке[1506], и Флоренцию. В это время, как свидетельствует Федоров-Забрежнев в письме Книжнику-Ветрову, Кропоткин работает над статьями, готовя критику дарвинистских концепций «наследственности» и «борьбы за существование». Основания для критики он черпает из двух источников: «1) как хронологического и обстоятельного, если можно так выразиться, анализа писаний самого Дарвина», и «2) знакомства с подлинными сочинениями Ламарка»[1507]. Более того, Федоров-Забрежнев, помогавший Кропоткину в его работе в Генуе, вспоминал, что для Кропоткина «было откровением строго-последовательное механическое воззрение Ламарка, изложенное им в его лебединой песне „Анализ сознательной деятельности человека“»[1508].

В декабре 1910 года Петр Алексеевич и Софья Григорьевна опять приезжают в Рапалло, проведя перед этим несколько дней в Милане, где непрерывно лили дожди и реки вышли из берегов[1509]. Здесь Кропоткин встретился с анархистом Этторе Молинари (1867–1926). Они обсуждали планы издания анархистской литературы[1510]. Но на Ривьере, где Кропоткины поселились на «Вилле Тереза» на Фоссато-дель-Монте, опять было солнечно. «За последние полгода я так хорошо себя чувствовал и так поправились легкие...»[1511] – писал Петр Алексеевич Марии Гольдсмит.

Во время визитов 1909–1910 годов Кропоткины побывали в Кави ди Лаванья. Здесь по инициативе близкого к эсерам писателя, журналиста и издателя Александра Валентиновича

Амфитеатрова (1862–1938) образовалась колония из шестидесяти – восьмидесяти русских революционеров-эмигрантов. Кропоткины время от времени всей семьей приезжали сюда пообщаться со старыми друзьями. Амфитеатров вспоминал: «Пробегал, семена мелкой рысью, всегда сопровождаемый свитой поклонников и учеников, апостол анархизма, Петр Алексеевич Кропоткин: маленький, сухонький, седенький, лысенький, суетливый, говорливый, ртутно подвижной, всем во всем учитель, ходячий энциклопедический лексикон, одаренный неугомонно торопливою, как бы граммофонною, речью». Петр Алексеевич в своей «неистощимой словоохотливости» был необыкновенно общителен и даже ссорился с женой и дочерью, когда упоительно «забалтывался» с кем-нибудь. В результате задержанная его беседами семья опаздывала на поезд, и Петр Алексеевич «был словесно истязаем от своих»[1512].

Но здоровье больного по-прежнему оставалось шатким. Достаточно было легкой ангины! Поэтому на обратном пути Кропоткины в мае 1911 года остановились в Рапалло. «Вот приехал сюда, думал отдохнуть, набегаться в чудном горном воздухе и окрепнуть. Я ведь всю зиму работал без единого дня отдыха, – сетовал Петр Алексеевич. – А вместо того расхворался расстройством пищеварения... Сырость здесь ужасная: 8-й день льет почти без перерыва»[1513].

Зато на Лаго-Маджоре удастся повидаться с друзьями – Георгом Брандесом и журналистом-анархистом Жаном Винчем. Однако гастрит оказался тяжелым и затяжным, Кропоткин неделями почти не мог есть. Пришлось задержаться в Локарно и Минузио, но теперь, летом, организм больного страдал от жары. К тому же федеральная полиция Швейцарии добивалась от властей кантона Тичино высылки революционера. Полицейские запросили лечащего доктора Марко Тоньолю, так ли необходимо пребывание больного в стране[1514]. Еще раньше Кропоткиным заинтересовалась итальянская полиция, следившая за ним с момента выезда из Швейцарии в Италию[1515].

Наконец в середине июля Кропоткины смогли отправиться в Лондон. Но еще до этого Петр Алексеевич по издательским делам заехал в Женеву. Он должен был подготовить к изданию на итальянском языке свою книгу «Великая Французская революция». А переводил ее с французского на итальянский язык один известный социалист, вынужденный покинуть Италию и поселиться в Швейцарии. Ту самую книгу, которую спустя пятнадцать лет запретили в его стране по его же распоряжению. Этого человека звали Бенито Муссолини[1516]. В те годы будущий диктатор-фашист еще находился на крайне левом фланге Итальянской социалистической партии и питал симпатии к синдикализму. Сам он анархистом никогда не был. Но, когда в 1912 году римский каменщик-анархист Антонио Д'Альба (1891–1953) совершил неудачное покушение на короля Виктора-Эммануила III, Бенито не только не осудил этот акт – как поступили реформистские социалистические лидеры, поспешившие верноподданнически поздравить монарха со спасением, – но и фактически взял его под защиту. Выступая на партийном съезде, он громогласно заявил, что король – всего лишь «бесполезный гражданин», а то, что с ним произошло, – просто несчастный случай, естественный при «ремесле короля»[1517]. Так сказать, авария на производстве! Всего лишь десять лет спустя «бесполезный гражданин» поручит Муссолини сформировать правительство Италии, во главе которого тот останется до 1943 года.

Заботы о здоровье и непрерывные труды, связанные с написанием книги о Французской революции и статей, редактированием переводов его работ, не могли отвлечь Петра Алексеевича от того, что происходило в России.

Кропоткин по-прежнему уделяет много времени информированию британской общественности о репрессиях в царской России. Пересылает информацию о казнях и пытках участников революционного движения The Times и другим изданиям[1518]. При его содействии группа либеральных депутатов парламента создала специальный комитет, собиравший и публиковавший в бюллетене информацию о политических заключенных и казнях в России. Как анархист, Петр Алексеевич официально держался «в стороне», но сообщал комитету необходимые сведения[1519].

В 1909 году, в сотрудничестве с этим британским парламентским комитетом по русским делам, Кропоткин подготовил специальный доклад «Террор в России». Этот документ оказал большое влияние на настроения в Великобритании. В стране проходили митинги в поддержку жертв царизма, и Софья Григорьевна активно помогала их устраивать. Кроме того, она продолжала свою работу как организатор лондонского Комитета помощи административным ссыльным. Помимо пожертвований, средства собирались за счет платных лекций, которые жена Кропоткина читала в различных английских городах. Членам комитета удавалось собирать и переправлять в Россию семь – пятнадцать тысяч рублей в год. Агентом комитета в России по-прежнему оставалась Надежда Лебуржуа. За свою деятельность Лебуржуа была арестована в 1911 году. Вере Фигнер она передала две с половиной тысячи рублей, собранные на побег Марии Александровны Спиридоновой (1884–1941)[1520]. Спиридонова – двадцатилетняя девушка, член партии эсеров, 16 января 1906 года застрелила ярого черносотенца, советника тамбовского губернского правления Гавриила Николаевича Луженовского (1871–1906). Эсеры приговорили его к смерти, поскольку советник руководил карательными экспедициями против крестьян, захватывавших помещичьи земли. Жестокости солдат в отношении крестьян, по словам Спиридоновой, стали для нее мотивом решиться на покушение. Охрана Луженовского схватила ее на месте покушения. Девушка была избита и изнасилована. Выездная сессия Московского военного окружного суда приговорила ее к смертной казни, вскоре замененной пожизненной каторгой в Нерчинске. Некоторые средства для заключенных и ссыльных анархистов, собранные среди сторонников Кропоткина в США, присылал Яновский. Так, в сентябре 1909 года Кропоткин получил от него пятьдесят долларов[1521]. Позднее, в 1917–1918 годах, Мария Спиридонова станет лидером партии левых эсеров. Ей придется на собственном горьком опыте и в полной мере убедиться в том, что репрессии и застенки большевистских «революционеров» ничуть и ничем не лучше царских.

Кропоткин вместе с Верой Фигнер выступил в июне 1909 года на митинге в лондонском институте Саут-Плейс перед аудиторией в семьсот человек с речью о положении в России. В июле того же года – в значительной степени под воздействием доклада «Террор в России» – в британской столице был проведен митинг против визита российского императора Николая II.

В том же году «Террор в России» переиздали немецкие социал-демократы. Брошюра очень понравилась лидеру Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Августу Бебелю (1840–1913). Бебель хотел, чтобы брошюра вышла с его предисловием, в котором будет дана партийная трактовка работе известного анархиста. Переписку об издании с Кропоткиным вел Карл Либкнехт (1871–1919). Во время будущей Ноябрьской революции 1918 года в Германии он возглавит Коммунистическую партию. В январе 1919 года, после подавления восстания сторонников власти Советов в Берлине, Либкнехт будет убит боевиками националистических отрядов – «фрайкоров». Но до этого еще далеко. Пока он – адвокат, ведущий дела СДПГ, депутат ландтага (регионального парламента) Пруссии. А еще Либкнехт – председатель Социалистического Интернационала молодежи. Эта организация объединяла молодежные организации социал-демократов из разных стран. В 1907 году его уже судили за книгу об антимилитаризме, он успел отсидеть полтора года в крепости. Петр Алексеевич согласился на издание без передачи авторских прав, но отверг идею о предисловии Бебеля. Его, как и многих марксистов, он подозревал в нечестной игре. Мало ли что Бебель напишет про анархистов – уж очень «любили» их германские социал-демократы. Так брошюра и вышла – лишь с предисловием переводчика[1522].

Материальная помощь, собранная в 1908 году Кропоткиным в Лондоне, помогла покинуть Румынию и выехать в Англию тридцати – тридцати пяти матросам, участвовавшим в восстании на броненосце «Потемкин». Петр Алексеевич был и среди учредителей «Потемкинского фонда» при Обществе друзей русской свободы, созданного английскими общественными деятелями и русскими политэмигрантами. Его целью был сбор денег на помощь «потемкинцам», желавшим переехать на жительство в Аргентину и Канаду[1523]. Благодаря личным связям Кропоткина в 1910 году группа матросов с «Потемкина» получила убежище в Канаде.

* * *

Как распознать агента-provokatora? Один из центральных вопросов для русских революционеров начала XX века и вообще для революционеров любой эпохи. Таких provokatorов было множество, в самых разных партиях и группах. По иронии истории один из засланных к анархистам шпионов охраны носил кличку «Ленин»! Нет-нет, речь не о Владимире Ильиче Ульянове, а о Бенционе Долине, который по поручению жандармов следил за бундовцами, а потом был «приставлен» к анархистам-коммунистам...[1524]

Проблема со шпионами была для революционеров настолько острой, что среди русских политэмигрантов даже появился свой «Шерлок Холмс», специализировавшийся на борьбе с provokatorами и разоблачивший многих из них. Его звали Владимир Львович Бурцев – тот самый бывший народоволец, которого, как мы помним, в 1903 году выслали из Швейцарии. Осторожность же Кропоткина, опасавшегося слежки, доходила до того, что вплоть до 1900-х годов он крайне редко фотографировался и не поощрял появления своих фотографий в печати[1525].

«Если кто присматривается к нравственному облику тех, с которыми встречается, то скоро замечает в манерах этих "столпов общества" нечто такое, что поражает его и заставляет

задать себе вопрос: "Что привело этих людей ко мне? Что общего могут они иметь со мной?" В большинстве случаев этот простой вопрос достаточен, чтобы насторожиться»[1526]. Такой ответ дает Кропоткин... Шпионы могут притворяться во всем, но только не в правилах нравственности. Этот вывод он делает в главе «Записок революционера», посвященной деятельности «этих гадин»[1527].

Вспоминается отрывок из актуального для нашего времени оруэлловского «1984». Уинстон и Джулия, желающие бороться с фашистским режимом «ангсоца», встречаются с провокатором О'Брайеном. Вербуя их в вымышленную подпольную организацию, О'Брайен задает начинающим революционерам вопросы. Отвечая на такое, следовало бы насторожиться. Готовы ли они «заниматься саботажем, который может стоить жизни сотням невинных людей»? Согласны ли «работать на иностранные державы»? «Вы готовы обманывать, лгать, шантажировать, развращать сознание детей, распространять наркотики, поощрять проституцию, способствовать заражению людей венерическими болезнями – короче, делать все, что может разрушить мораль и ослабить Партию?» «Если, к примеру, ради нашего дела нужно будет плеснуть серную кислоту в лицо ребенку – вы готовы сделать это?»[1528] И на такие вопросы оба отвечают: «Да»...

Потом на допросе провокатор, превратившийся в палача, припомнит своей жертве это согласие. Ломает человека, показывая, что тот не имеет морального превосходства по отношению к тем, против кого ведет борьбу. Что ж, Кропоткин знал, о чем писал.

Интересный эпизод всплывает в переписке Кропоткина с Марией Гольдсмит. В ноябре 1905 года Бурцев известил Кропоткина о том, что Лев Дмитриевич Бейтнер, член женевской группы «Хлеб и Воля», разоблачен как тайный агент полиции. Его раскрыла попытка вербовки одного из революционеров. Кропоткин припомнил эпизод в поведении Бейтнера, который насторожил Софью Григорьевну и его самого: «Скажу только, что Соня без всякой причины, а так, в силу общих соображений, не раз изъявляла серьезное в нем сомнение – нехороший, мол, человек: серебряные ложки пересчитывает по уходе товарищей! Не настоящий...»[1529]

И те, кто дал согласие на сотрудничество с полицией, стремясь освободиться из тюрьмы, ссылки, спасти себя, вызывали у Кропоткина недоверие и желание держаться подальше. Это как минимум.

Весьма характерная история произошла с Николаем Карловичем Паули, революционером-народовольцем, который, желая освободиться из ссылки, выразил согласие стать агентом тайной полиции. После успешного побега из ссылки Паули оказался за границей. Затем, появившись в 1900-е годы в Париже и вступив в эсеровскую Аграрно-социалистическую лигу, он начал двойную игру с полицией, дав согласие на сотрудничество с главой заграничной агентуры Департамента полиции МВД П. И. Рачковским. Вскоре он рассказал о своем решении и раскрыл его мотивы – подготовка убийства Рачковского.

Это вызвало скандал, о котором Кропоткин вел переписку с Марией Гольдсмит. Он был решителен и беспощаден: «Я совершенно и абсолютно отказываюсь иметь с ним, прямо или косвенно, какие бы то ни было дела. Мы не можем и не имеем никакого права по отношению

к нашим товарищам относиться спустя рукава к подобным выходкам. Продолжая с П[аули] сношения, мы этим самым поощрили бы его и возможных подражателей к подобного рода штукам, и я удивляюсь одному, каким образом Паули после такой ошибки (пусть будет это ошибка, если хотите) сам не понял того, что в революционных кружках ему делать больше нечего, и давно сам не уехал в Америку начать там новую жизнь»[1530]. Сама попытка «вступить в переговоры со шпионами», с полицией, как и согласие вести двойную игру, были недопустимы для Кропоткина. «И ни в каком случае не имеем мы права покрывать Паули, сохраняя с ним личные сношения, а тем более политические»[1531], – делал он вывод. «Личными симпатиями мы в данном случае не имеем права руководствоваться, это было бы преступно»[1532]. Дело завершилось исключением Паули из Аграрно-социалистической лиги[1533].

Ненависть к шпионам у Кропоткина была почти что физиологической. Яновский вспоминает, что однажды после лекции в Бернер-стрит-клуб Петр Алексеевич почувал шпиона в одном из задававших вопросы. То ли содержание вопроса, то ли тон заставили Кропоткина насторожиться. «Лучезарную улыбку», с которой он отвечал слушателям смыло с его лица так, как цунами сметает пляжный антураж. «Оно вдруг стало хмурым, потом бледным и красным». Он ответил всем, кроме этого человека, а затем покинул зал, заявив Яновскому у выхода: «Я не могу находиться ни одной минуты под одной крышей со шпионом, и с предателями не спорят»[1534]. Впоследствии оказалось, что Кропоткин был прав. Больше шпиона в Бернер-стрит-клуб не пускали.

Но в ближайшие годы после Первой русской революции Петру Алексеевичу пришлось больше всего заниматься вопросами борьбы с провокаторством в революционном движении. Кропоткина беспокоило то, что публичное и громкое разоблачение провокаторов может нанести ущерб репутации революционного дела. В письме к Бурцеву он возражал против преждевременного напечатания материалов, разоблачавших бывшего народовольца Николая Петровича Стародворского (1883–1925). «Опубликование таких документов – помимо того, что оно вызовет двоякое толкование, за и против (этого не избежишь), нанесет полнейший удар всяким начинаниям здесь, в Англии, и в Америке», в том числе сбору средств и кампании солидарности с революционерами в России, писал Кропоткин. Ведь скажут, «что мы дали себя по доброте надуть проходимцам. Вообще люди скажут: да вы, в своем движении, между дюжиной человек и то разобраться не можете!» Старый революционер предлагал в случае полной доказанности вины негласно «обезвредить человека», «заставить его исчезнуть», «умереть политически, а разоблачения не печатать»[1535].

Впрочем, это не мешало Кропоткину лично участвовать в разоблачении полицейских агентов. В октябре 1908 года, по просьбе Веры Фигнер и по приглашению партии эсеров[1536], он отправляется в Париж, чтобы вместе с другими авторитетнейшими фигурами русской революционной эмиграции, самой Фигнер и Германом Александровичем Лопатиным (1845–1918), в качестве члена «третьей инстанции» расследовать обвинения в клевете, которые были выдвинуты партией против Бурцева. Сам Бурцев дал согласие на участие Кропоткина в этом «суде». Эсеры были возмущены тем, что разоблачитель обвинил в сотрудничестве с царским Охранным отделением лидера Боевой организации Партии социалистов-революционеров Евно Фишелевича Азефа (1869–1918). Социал-демократ Петр

Алексеевич Хрусталева-Носарь (1877–1919), бывший первый председатель Петербургского Совета рабочих депутатов, сообщил Петру Алексеевичу, что эсеры не возражают против того, чтобы Кропоткин председательствовал на этом «третейском суде»[1537].

Сам Кропоткин считал дело Азефа «ужасным», полагая, что, к сожалению, ничего невероятного в таком провокаторстве нет. Он и Лопатин готовы были принять выводы Бурцева и признать Азефа провокатором[1538]. Вера Фигнер вспоминала, что во время «суда» Кропоткин дважды говорил ей, «что в революционном движении не было случая, чтоб многократные указания на предательскую роль какого-либо лица не оправдывались на деле»[1539]. «Я посмотрел на старика Кропоткина. Он как судья ни одним жестом, ни одним словом не выказал мне сочувствия, но я чувствовал, что он весь на моей стороне»[1540], – вспоминал Бурцев. Относясь к этим обвинениям весьма серьезно, Кропоткин даже потребовал, чтобы представители ЦК эсеров представили хранившиеся в Финляндии письма, на которые они первоначально ссылались как на доказательство невинности Азефа[1541].

Первое заседание «третейского суда» проходило 10 октября на квартире старого народовольца и члена ЦК партии эсеров Ильи Адольфовича Рубановича (1859–1922), но затем чаще всего «судьи» собирались на квартире одного из лидеров эсеровской Боевой организации Бориса Савинкова, в доме № 4 по улице Алезии. Обвинителями против Бурцева выступали ведущие деятели Партии социалистов-революционеров: Чернов, Натансон и Савинков[1542]. Однако Бурцев огласил признание бывшего директора департамента полиции Алексея Александровича Лопухина (1864–1928) о том, что Азеф действительно получал деньги от полиции как платный агент. После этого «суд» был прерван Петром Алексеевичем, по поручению Лопатина и Фигнер заявившим, что «больше нам делать нечего: дальнейшее должно перейти в руки самой партии»[1543].

Он возвратился в Лондон и в письме к Бурцеву поздравил его с победой в этом печальном «деле»[1544]. В другом письме он советовал Бурцеву, планировавшему написать брошюру о провокаторской деятельности Азефа, не выплескивать раздражение на партию эсеров в целом. Вина их очень велика, но ошибаться свойственно людям – особенно людям действия. Поберегите их партию, чтобы не было паники»[1545]. Но не стоит думать, что отношение Кропоткина к эсерам осталось прежним – недоверие к ним только усилилось. Неоднократно в своих письмах он отказывался верить их версиям о разоблачении очередных провокаторов, подозревал в сокрытии очень печальной правды, двойной игре[1546]. «Между прочим, меня мучит один вопрос: знали [ли] Ч[ернов] и Н[атансон] о том, что Азеф состоит в полиции, и смотрели на него как на своего великого Клеточникова[1547], – или нет?»[1548] – признавался он Бурцеву.

Затем в 1909 году последовало громкое разоблачение Бурцевым старого сотрудника полиции – Авраама-Арона Геккельмана, известного также под фамилиями Ландезен и Гардинг. Тайный агент Департамента полиции, в 1885 году за границей он внедрился в ряды революционеров. В 1890 году Геккельман организовал в Париже подпольную мастерскую по производству бомб, готовя покушение на Александра III. Но фактической целью его работы было поднять во французской печати волну возмущения деятельностью народвольтцев, вынудив французские власти выслать политэмигрантов[1549].

Цепь все новых и новых разоблачений провокаторов потрясла Кропоткина. «Но что же это такое? Революция – спорт! "А заберут – к ним перейду!" Спорт наизусть пойдет. Берет сильная охота все это написать. И тут же вопрос: "К чему?" – "Теперь я понимаю все!" Понимаю, почему мы не были нужны в русском движении! Когда всеми партиями руководят Азефы, люди, всерьез делающие революцию, – «лишние люди!»»[1550] Эти отчаянные строки из письма к Марии Гольдсмит лучше всего говорят о настроении Кропоткина. И во многих его письмах друзьям за 1908–1909 годы поднимается тема провокаторов, предательства, азефовщины.

Петр Алексеевич был склонен подозревать, что за покушениями и «экспроприациями», которые совершались в Европе анархистами и другими революционными боевиками из России, стояли провокации царского Охранного отделения («русского и интернационального шпионья»[1551]) – пусть даже сами совершавшие эти акты были лично людьми честными и искренними. Так он оценивал целый ряд инцидентов, которые произошли в 1906–1910 годах: «Экспроприации в Кларане и Монтрё[1552], попытка Венсенского дела в Париже[1553], экс в Лондоне[1554] и экс в Брюсселе[1555] (они печатно заявили, что бомбу готовили на одного бельгийского судью), – это, наверно, было устроено охранкою, – писал Кропоткин Бурцеву. – Группа анархистов интернационалистов была их орудием. Желательно только знать, кто из этих групп и анархистов вообще был одурачен и кто были агенты. А агенты, наверно, были и есть»[1556]. Он предполагал, что русские полицейские обманом сумели вовлечь анархистов в совершение действий, которые должны были повлечь за собой высылку из Европы революционеров-эмигрантов. Такое отношение Петра Алексеевича к «сорвиголовам» от революции вызывало в их среде злобу и, очевидно, жажду мести.

Возможно, с этими обстоятельствами была связана таинственная история с подготовкой покушения на самого Кропоткина. Российские анархисты того времени «учились» и «росли» на книгах и статьях Петра Алексеевича. Кто-то из «учеников» мог счесть, что кажущаяся им «умеренность» учителя может дискредитировать любимое дело... и его самого. Как в знаменитом рассказе Хулио Кортасара «Мы так любим Гленду», в котором фанаты знаменитой актрисы убивают ее, чтобы она не опозорила собственный талант: «с креста не снимают живыми».

Рудольф Роккер вспоминал, как осенью 1909 года к нему явился молодой анархист из России, рассказавший о том, что небольшая группа, к которой он принадлежит, планирует устроить серию террористических актов в Лондоне. В частности, по его словам, начинающие террористы планировали взорвать бомбу на ежегодном шоу лорда-мэра Сити – торжественном праздничном мероприятии в британской столице 9 ноября.

«Я не мог поверить собственным ушам, – писал позднее Роккер. – Но молодой человек привел мне имена и детали; он убедил меня. Я спросил его, почему он раскрыл этот план мне. Он сказал, что обдумал его и понял, что многие невинные люди, наблюдающие за шоу, будут ранены или убиты. Я объяснил, что это вызовет также возмущение против всех политических беженцев в Англии; это может означать лишение политического убежища, которым мы пользовались. Мы обсудили, как предотвратить осуществление плана. Он рассказал мне, что группа должна собраться следующим утром в доме одного из ее членов

на Уайтхорс-лейн, в Степни. Я договорился с моим другом Лазарем Сабелинским, что тот пойдет туда вместе со мной, чтобы поговорить с этими молодыми людьми. Мы застали там пятеро из них, включая моего информатора, и молодую девушку. Я сказал им, что знаю об их плане. Я объяснил им, каким тяжелым ударом он станет для всех людей, которые смогли найти убежище в Англии. Я спросил их, зачем они хотят убить лорда-мэра и ни в чем не повинных зрителей. Вначале они отрицали всю историю. В конце концов они признали, что все это правда. Я сказал, что совершенно уверен в том, что к подобному идиотскому и бессмысленному безобразию их подстрекал какой-нибудь русский полицейский агент, чтобы дискредитировать все революционное движение и закрыть Англию для всех политических беженцев. Я не знаю, убедил ли их я своими аргументами, или только лишь факт того, что их заговор раскрыт, побудил их решиться отменить его», – заключает Роккер, так и не определивший для себя, с кем ему пришлось столкнуться – с людьми, которыми манипулировала охранка, или со слепыми фанатиками. Группа вскоре развалилась, а приходивший к Роккеру стал позднее его соратником. Однажды он признался, «что группа всерьез обсуждала убийство Кропоткина, чтобы убрать его с дороги, поскольку его умеренные взгляды сдерживают революционные силы»[1557].

Впрочем, Охранное отделение отвечало Кропоткину той же монетой, держа его под наблюдением. В 1917 году, разбирая архивы полиции, историк и активист Трудовой народно-социалистической партии Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) обнаружил, что его переписка с Петром Алексеевичем «целиком перлюстрировалась»[1558]. Департамент полиции МВД, несмотря на октябрьскую амнистию 1905 года, по-прежнему держал его на прицеле. Были прекращены уголовные преследования по обвинению «в принадлежности его к противоправительственному сообществу, присвоившему себе наименование „кружка чайковцев“», как и обвинение за издание «сочинений революционного содержания»[1559]. Но в справке Департамента полиции МВД, составленной в 1909 году, указывалось, что именно и по какой статье собираются впясть Петру Алексеевичу: «Ввиду же того, что, кроме описанных преступлений, Кропоткин ныне изобличается еще в принадлежности к образовавшейся за границей группе „анархистов“, поставивших своею задачею насильственное изменение существующего в Империи государственного строя, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 102 Угол[овного] Уложения, то против Кропоткина, в случае возвращения его в Россию, должно быть возбуждено уголовное преследование по упомянутой выше 102 ст. Угол[овного] Улож[ения]»[1560].

* * *

В 1911 году состояние здоровья Петра Алексеевича снова ухудшилось. Остаться в сыром Лондоне было уже нельзя. «А я пишу в постели. Не везет мне этот год, вот уже с марта, – писал Петр Алексеевич Марии Гольдсмит в сентябре 1911 года. – Опять вступил в период, который у меня был одно время: усиленная работа – болезнь, усиленная работа – болезнь... Специалист, запретивший мне зимовать в Англии, теперь позволил, но не в Лондоне. Хотим попробовать Брайтон. Взяли домик для нас двоих. Близко к морю. Солнца в Брайтоне много»[1561]. Медик Уотсон Чэйн, приглашенный лондонским врачом Кропоткина, доктором Ингрэмом, рекомендовал Петру Алексеевичу лечь на операцию, но тот отказался. В то же время доктора сказали пациенту, что туберкулезный процесс в его легких остановлен и он

может теперь зимовать в Англии, но не в Лондоне[1562].

Во второй половине октября Софья Григорьевна переехала в дом № 9 по брайтонской Чешэм-стрит, круто поднимавшейся в гору от берега моря, в двух километрах от него. Петр Алексеевич работал в Британском музее и приехал в снятый ими дом лишь 1 ноября. Пришлось перевезти тридцать три ящика с книгами и бумагами, двадцать пять ящиков и двенадцать пакетов Кропоткин раздал лондонским друзьям[1563]. В переезде ему помогали знакомые Черкезовых – грузины; одним из них был анархо-синдикалист Д. Д. Гамбашидзе[1564].

Саша теперь жила в Лондоне с мужем, юристом и литератором Борисом Федоровичем Лебедевым (1877–1948), социалистом-революционером по убеждениям. Они поженились в 1910 году.

Сразу после переезда Петр Алексеевич снова принялся за работу. Однако он все больше и больше «затворничает». Джордж Вудкок и Иван Авакумович, авторы биографии Кропоткина, называют его брайтонский дом – последнее жилище эмигранта на британской земле – выглядящим «как печальный конец активной жизни»[1565].

«Трудно, в 70 почти лет, жить на чужбине одиноким. Соня сама завалена перепиской – между мелкой домашней работой, вдобавок осложненной моими хворостями. А я хотя чувствую себя совершенно бодрым умственно, постоянно оказываюсь неспособным просидеть даже те 5–6 часов, на которые свелась моя работа. Ну, словом – старость», – пишет Петр Алексеевич своему другу, инженеру Петру Акимовичу Пальчинскому (1875–1929). Он много гуляет по берегу моря, наслаждается теплой погодой, хотя и скучает по Средиземному морю. Вести хозяйство им по-прежнему помогает Мари.

Несмотря на «курортную жизнь» в приморском Брайтоне, который он почти не покидал и где он ощущал себя «во втором изгнании, наложенном на первое»[1566], Кропоткин не прекращал живо интересоваться событиями в России и в мире, социалистическим и рабочим движением в Британии. В 1912 году он использовал свои связи в британских политических кругах, чтобы добиться отмены решения о депортации из Британии Малатесты за анархистскую деятельность. Не принимая непосредственного участия в работе двух эмигрантских центров русского анархизма, в Париже и Женеве, он продолжает помогать им советами и рекомендациям, делясь своими представлениями о том, что следует делать.

«Я много думал все это время о том, что нужно в данную минуту для анархистов в России... – пишет он в письме русским анархистам в Париже в октябре 1911 года. – И я глубоко убежден, что теперь прежде всего нужно, чтобы нашлось несколько товарищей, способных, не поступаясь ничем в революционности своей анархической программы, высказать продуманное, пережитое ими, а потому вполне искреннее, определенное отрицание яacobинских приемов, принимавшихся до сих пор в России за анархию, а именно: 1) отрицание экспроприаторства как средства приобретения денег для революционной работы и 2) безусловное отрицание богровщины как средства борьбы с реакцией». Под «богровщиной» Кропоткин имел в виду тактику индивидуального террора. В 1911 году анархист – и одновременно полицейский осведомитель – Дмитрий Григорьевич Богров

(1887–1911) убил премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911), который возглавлял подавление революции в России.

Но отказа от неверной тактики еще недостаточно. Единичные акты уже не могут вдохновить народ. Нужны массовые выступления трудящихся, а для этого необходима организационная сплоченность. «Если анархисты не воспользуются немногими годами, которые пройдут до следующих народных движений, для создания ядра, как бы мало оно ни было», предупреждал старый революционер, то любая агитация и любые журналы окажутся бессмысленными[1567].

Нужно было что-то делать, но прежних сил у старика Кропоткина уже не было. Он признавался в письме Яновскому от 5 июля 1912 года: «На периодическое издание у нас нет достаточно сил, нет людей, способных отдавать ему свое время. Я – стар становлюсь. Будущего 9 декабря 1912 года, если доживу, мне будет 70 лет. Я бодр, работаю хорошо, но работоспособности прежней нет. Больше 5–6 часов в день не могу работать»[1568].

Понимая, что издавать в Лондоне русский анархистский журнал ему не по силам, Петр Алексеевич задумал вместе с Александром Шапиро заняться выпуском брошюр. «Мы здесь, с нашею типографиею беремся за работу, – сообщает он Пальчинскому. – Для начала будем издавать брошюры; хотим, однако, издавать их периодически, одну, скажем, в месяц, или две; иначе, думает Шапиро, невозможно установить правильный приток денег из Америки. Саня вычистил типографию, нашел наборщика. Я доставил рукопись моей брошюры «Анархия» для начала. Но чтоб начать дело, нужны деньги»[1569]. Благодаря Пальчинскому их удалось занять, и издание «Брошюр „Листков Хлеба и Воли“» началось. На его двадцать фунтов стерлингов были напечатаны «Анархия» П. А. Кропоткина и «Борьба с капиталом и властью» М. И. Гольдсмит. Рассчитывая на помощь американских товарищей, он планировал выпускать шесть – восемь брошюр в год[1570].

Кропоткин готовил к изданию и пятитомное собрание сочинений Бакунина. Этот проект ему предложил старый бакунист Сажин, специально приехавший в Лондон для переговоров на несколько дней. Сажин нашел в России спонсоров издания. На выпуск каждого тома было выделено по тысяче рублей. Кропоткин должен был стать главным редактором и руководителем издательского проекта[1571]. В типографии группы «Хлеб и Воля» он успел издать лишь первый том[1572]. Проект был прерван событиями Первой мировой войны. Но Петр Алексеевич помог увековечить память Михаила Александровича другим способом: переслал женевицким друзьям просьбу Марии Каспаровны Рейхель (1823–1916), вдовы одного из друзей Бакунина, композитора Адольфа Рейхеля (1820–1896), об уходе за могилой «Мишеля». Параллельно с брошюрами и сочинениями Бакунина Кропоткин готовил для разных издательств переиздание «Хлеба и Воли» и «Полей, фабрик и мастерских» (на английском), «Современной науки и анархии» (на французском)[1573].

В марте 1912 года в Лондоне прошел большой митинг протеста против расстрела в России бастовавших рабочих на реке Лена. А ведь это произошло на тех самых приисках в Бодайбо, откуда в 1866-м стартовала Олекминско-Витимская экспедиция, участие в которой принял молодой казачий офицер и начинающий исследователь-географ Кропоткин. Он писал когда-то о тяжелых условиях труда рабочих на приисках и вот теперь получил печальную весть из

тех мест, о судьбах тех самых людей и их потомков... «Хотел ехать, да простудился. Вот уже неделю кашель, лихорадит! <...> – сообщал Петр Алексеевич Марии Гольдсмит. – До того отчаянно скверно в России – просто руки опускаются». В том же письме он рассказывал, что группа англичан обратилась к нему с предложением открыть английский комитет помощи голодающим в России. «Я написал им, какие ужасы у нас, но должен был сказать: "Стыдно просить у вас. Кормите своих!"»[1574] Кропоткин принял участие в рассылке «Воззвания к британским и американским рабочим» по поводу Ленского расстрела и написал статью о тех событиях, опубликованную в ведущей анархистской газете Франции Les Temps Nouveaux[1575].

Ленские события и особенно развернувшиеся по всей России в ответ на расстрел массовые забастовки и демонстрации воодушевили Кропоткина. «А молодцы русские рабочие, – пишет Кропоткин Марии Гольдсмит. – Опять от них идет луч света в Темном царстве»[1576]. В декабре 1912 года он писал Яновскому: «Скажу вам весть, которая вас и многих товарищей порадует. Из России, – вы это верно уже сами заметили, – повеяло свежее струей, особенно со времени выступления рабочих после Ленских убийств. Газеты заговорили иначе. Видимое дело – терпение публики истощается. А рабочие – молодцы. Подумайте только: 200 000 бастовало в одной только Москве по поводу Ленского разгрома, такие стачки были везде, а потом – опять стачки по поводу смертных приговоров над севастопольскими матросами»[1577]. Ну а газеты «Русские ведомости» и «Утро России» начинают открыто публиковать письма Кропоткина.

* * *

Зимой 1912 года в Брайтоне Петр Алексеевич чувствовал себя в целом неплохо, хотя иногда ему все же приходилось лежать в постели. «Температура нормальная, легкие очищаются, но слабость ужасная», – жаловался он в одном из писем[1578]. Мучали и проблемы с пищеварением. «С моей второй бедой дело обстоит совсем не так хорошо, как с моими легкими, – сообщал Кропоткин Мэйвору. – Я полностью отказался от мяса, вина и кофе и превратился в какого-то „ихтиофага“ (что очень легко сделать в Брайтоне). Такая пища и теплые сидячие ванны через день или два дали мне возможность работать всю зиму, правда, не более 4-5 часов в сутки»[1579]. Время от времени Кропоткиных навещали друзья: Чарльз Роули, пианист Осип Соломонович Габрилович (1878–1936), публицист Владимир Владимирович Бярятинский (1879–1941) с женой, актрисой Лидией Борисовной (1871–1921)[1580].

Занимаясь агитацией против репрессий в России и изданием анархистской литературы, Петр Алексеевич вел активную переписку и продолжал усердно работать над собственными книгами и статьями, преодолевая недуги. Каждый день, вспоминал Николай Кропоткин, его дяде приносили пачку писем из самых разных стран, на разных языках[1581]. И на них нужно было отвечать... Но в Брайтоне не было библиотеки, где он мог бы брать книги, и в июне он наконец сумел на три недели снова выбраться в Лондон, чтобы, живя у дочери, поработать в «Статистическом обществе».

В июле 1912 года Кропоткин выступил с сообщением на Международном евгеническом конгрессе в Лондонском университете, подвергнув уничтожающей критике модную идею стерилизации «выродившихся семей». Создателем евгеники как учения о борьбе с «порчей» человеческого генофонда считается двоюродный брат Дарвина – Фрэнсис Гальтон (1822–1911). Он провозглашал, что интеллект и умственные способности передаются по наследству. В США с 1870-х годов начали проводиться исследования, которые должны были доказать, что и антисоциальное поведение якобы передается в семьях по наследству, накапливаясь от поколения к поколению. Сторонники так называемой отрицательной евгеники ратовали теперь за своего рода «искусственный отбор» в человеческом обществе. Следует запретить асоциальным семьям иметь детей, требовали они. С 1907 года в различных штатах США стали вводиться евгенические законы; началась практика принудительной или поощряемой кастрации и стерилизации «умственно не развитых» людей и бедняков. Таковы были выводы из догматического дарвинизма и социал-дарвинизма, столь ненавистных Кропоткину. Он был убежден, что это учение направлено в первую очередь против бедняков – своего рода «социальный расизм», как сказали бы сегодня. Именно условия их существования толкают людей на преступления и общественные пороки! Правда, некоторые анархисты пытались переистолковать евгенические постулаты в ином ключе – скорее, в духе логики Ламарка. Необходимо изменить жизнь людей к лучшему – и тогда их организмы постепенно адаптируются к новой социальной среде. Не следует ничего запрещать – можно лишь вести просветительскую работу, чтобы предотвращать передачу наследственных заболеваний. Эта идея впоследствии получила распространение, например, среди испанских анархистов.

Но Петр Алексеевич оставался непреклонен. Он повторял свои аргументы: преступник – это продукт дурно устроенного общества. «Разружьте лачуги, постройте здоровые жилища, устраните скученную жизнь детей и взрослых... и вы улучшите зародыш будущего поколения в гораздо большей степени, чем с помощью любого количества "обеспложения"»[1582].

Летом и в начале осени 1912 года Кропоткин снова трудится с такой нагрузкой, с которой его нездоровый организм еле справляется. «Годы сказываются!.. – сетует Петр Алексеевич в письме к Яновскому. – И ни души здесь, в Брайтоне, чтоб помочь. Последние три месяца я работаю через силу: с 9:30 утра до 12 ч. ночи, с двумя перерывами на обед, ужин и час прогулки. Десять, 11 часов каждый день, и иногда устаю сильно. Ни одного дня не прерывал. <...> Сверх сил»[1583]. И в этой ситуации он должен был готовить к изданию брошюры, книги, поддерживать переписку с другими анархистами. «Каждый день 4–5 писем с требованием товарищей помочь пером тому или другому изданию», – писал он Яновскому. «Иногда просто **физически** голова кружится от этих требований со всех сторон»[1584]. А нужно писать, писать, защищать преследуемых товарищей в России. А надолго ли его хватит? Ведь он уже пожилой человек с сильно подорванным здоровьем. Трудно быть в таком возрасте опорой, надеждой целого политического движения.

В начале декабря 1912 года анархисты разных стран отметили семидесятилетие старого революционера. Друзья посылают ему поздравления и подарки. Организуются юбилейные митинги, в адрес которых Петр Алексеевич отправляет послания. Сам он получил более четырехсот писем и телеграмм с поздравлениями[1585].

Перенапряжение сказывается. 19 декабря он слег с гриппом, перешедшим в двустороннее воспаление легких, и выздоравливал медленно: «...очень высокая температура (40 градусов и больше), озноб, потеря сознания – все по порядку. Горчичники на легких, две сиделки, одна ночью, другая днем – Соня в изнеможении, а я и не подозревал опасности. Наконец 31 ночью наступил кризис, и быстро возвратилась нормальная температура», – писал он Бертони[1586].

Непосредственная угроза жизни миновала, но старый больной организм восстанавливался медленно и с трудом. Кропоткина мучили непрерывный кашель, ночные кошмары, слабость. «Я перенес серьезную болезнь, которая отняла мои силы, и теперь я совершенно не в силах ни брать на себя какую бы то ни было ответственность, ни делать что-то полезное для успешного завершения дела», – жаловался он в письме к Гильому, который помогал ему в подготовке задуманного издания сочинений Бакунина[1587].

Для поправки здоровья нужно было опять отправляться в теплые края, но материальное положение старого эмигранта было тяжелым. Помогли деньги, собранные друзьями в Нидерландах[1588]. В феврале 1913 года Кропоткин смог наконец поехать на отдых в Швейцарию, в Локарно, сделав по дороге остановку в Париже для встречи с Гильомом и русскими друзьями. Встреча получилась впечатляющей для всех. По крайней мере, так о ней вспоминал Александр Таратута: «Старец 71-го года, больной, он блистает юношески гибким, светлым умом и необычайной памятью. По-отцовски нежно и кротко он вспоминает нашу первую бурную встречу в Лондоне в 1904 г. С необыкновенным тактом он делится с нами своим несравненным опытом, своим удивительным знанием общественных явлений мировой и русской действительности. Он рисует нам бездну между авторитарной системой, господствующей в мире, и могучим стремлением к свободе и хлебу для всех среди трудящихся. Он поднимал нас своей пламенной верой в грядущую революцию в России»[1589].

Но и в Локарно Кропоткина мучила усталость, хотя кашель постепенно прошел благодаря лечению доктора Фридеберга. Он встречался со знакомыми, позировал скульптору. Время, проведенное в этот раз в Швейцарии, Петр Алексеевич называл первым в своей жизни «отпуском»[1590]. И впервые в жизни у него появился шанс сделать этот отпуск едва ли не пожизненным.

Скульптор Сергей Меркуров, в это время лепивший бюст Кропоткина и наслаждавшийся долгими поэтично-интеллектуальными беседами со старым революционером, передал ему весьма заманчивое предложение от «сочувствующих» Петру Алексеевичу и его идеям. Под псевдонимом «Меркуров» скрывался Николай Александрович Шахов (?-1922). «Чудак-миллионер», меценат, фрондировавший против российских властей и люто ненавидевший Николая II и черносотенцев. В 1911 году Шахов за двадцать пять тысяч рублей купил у Меркурова статую Льва Николаевича Толстого. Он пытался добиться от городской думы Москвы разрешения поставить памятник Толстому напротив здания Университета Шанявского, где ныне располагается широко известный Российский государственный гуманитарный университет. Получив отказ, миллионер подарил статую толстовцам. Но он не смирился с поражением и решил дальше досаждать российским властям. Теперь, в 1913 году, Шахов решил подарить виллу в Локарно самому Кропоткину, дабы всемирно

известный анархист и непримиримый враг самодержавия, вечно болевший в сыром и холодном Лондоне, мог спокойно работать в курортных условиях Швейцарии. Кропоткин ответил с улыбкой: «По убеждениям и по жизни я – анархист. У меня нет и не будет собственности. Вся жизнь я прожил своим трудом, за исключением того вынужденного ничегонеделания, когда меня сажали в тюрьму. Единственно ценную вещь, что я имею, это вот эти золотые часы. Преподнесенные мне испанскими анархистами на собранные по подписке деньги. Причем было обязательство – больше одной пезеты не подписываться. Видите, как много анархистов в Испании, что смогли таким образом собрать на золотые часы. <...> Эту память я и ношу. Но Кропоткин и вилла – благодарствуйте! У сочувствующих, наверное, случилось недоразумение в мозгах! Анархист Кропоткин, заканчивающий свою жизнь в собственной вилле на Лаго-Маджоре, – благодарствуйте!»[1591] Так и не появилась вилла у Кропоткина. Зато его портрет в бронзе работы Меркурова до сих пор хранится в Государственном центральном музее современной истории России.

Отклонив заманчивое предложение «сочувствующих», Кропоткины снимали дом у адвоката Респини на улице Сан-Франческо, а с мая – виллу «Несси» (дом № 12 на Виа-Муничипио в Муральто). Однако пребывание в Швейцарии оставалось рискованным: старое решение о высылке Петра Алексеевича из страны, выпущенное в 1881 году, все еще официально не отменено, о чем не замедлила напомнить местная пресса. Разрешение на пребывание было выдано только на три месяца. Городской совет Локарно ходатайствовал перед центральными властями об отмене постановления об изгнании, но Федеральный совет отверг эту просьбу, заявив, что об отмене должен попросить сам Кропоткин. Это было равнозначно покаянию, и анархист отказался пойти на такой шаг![1592] Отныне он решил ездить на зиму в Италию.

* * *

В конце мая 1913 года Кропоткины отправились назад, в Англию. По дороге в Париже Петр Алексеевич провел встречу с группой русских анархистов, рассказав им о своем видении международной ситуации и задач революционного движения. В это время анархистская эмиграция готовилась к предстоящей объединительной конференции, различные группы обсуждали и выработывали проекты и предложения – так что нетрудно предположить, что Кропоткин на этой встрече давал товарищам свои советы, развивая свои прежние аргументы.

Во время переезда через Ла-Манш пароходик, на котором плыли Кропоткины, сильно пострадал от шторма. «Соня до сих пор еще не оправилась. Я оправился, разбираю груды книг», – сообщал Петр Алексеевич Марии Гольдсмит из Брайтона[1593]. По дороге он снова простудился и не мог отойти от хвори целый месяц.

Только в июле Кропоткину удалось выбраться в Лондон, где он двенадцать дней работал в Британском музее. Снова вернувшись в Брайтон, он как член секции медицинской социологии был приглашен принять участие в конгрессе Британской медицинской ассоциации, который проходил в этом английском курортном городе. В своем выступлении на секции Кропоткин снова обрушился на евгенические рецепты кастрации и стерилизации,

напомнив о том, что к физическому «вырождению» ведут прежде всего неразрешимые при капитализме социальные проблемы, включая нищету и болезни. «Обитатели трущоб, – подчеркнул он, – это резервная армия, без которой британская индустрия не может жить и приносить ту прибыль, которую она дает. Что необходимо – так это уничтожение условий, которые каждый год производят сотни тысяч тех, кого евгеники описывают как "негодных". Практикующие медики это прекрасно знают...» Он призвал бороться с «вырождением» методами социальной гигиены[1594].

Но наибольший скандал среди почтенной научной публики вызвал ход дискуссий по теме «Преступление и наказание». Назвав себя «старым висельником», хорошо знакомым с условиями многих тюрем мира, Петр Алексеевич напомнил свою выстраданную мысль: тюрьмы не исправляют преступника, наоборот, они – университеты преступности![1595] Ну как же могли согласиться с этим адепты официальной позиции, приверженцы теории о благодетельной роли «неотвратимости наказания» как главного фактора, сдерживающего преступность?! Кропоткин посмеялся над профессором Бенджаменом Муром (1867–1922), известным физиологом и биофизиком, заявившим, что преступления – важный фактор, который позволяет... улучшать общество, поскольку выявляет «социальную болезнь» и ведет к принятию необходимых законов, совершенствованию законодательства. Так что, выходит, не было бы преступности – не было бы и прогресса! Но особенно повеселили старого революционера речи мисс Дж. Аллен[1596] – «очаровательная суфражистка рассказала, какую потребность в алкоголе она испытывала в тюрьме: она мечтала о стакане шартреза!»[1597]. Да уж... Петр Алексеевич всегда выступал за женское равноправие и освобождение женщин от единоличной каторги домашнего труда. Но вот буржуазный феминизм, разновидностью которого выступало движение суфражисток, требовавших всего лишь предоставления женщинам избирательных прав в рамках капитализма, он явно не одобрял!

Но особенно яростно Кропоткин схватился с выступавшим в дискуссии на секции «капелланом-инспектором тюрем Его Величества», преподобным Чарльзом Бутфлауэром Симпсоном. Тот заявил, что мелкие наказания ничего не дают. От серьезного преступления, провозгласил этот священник – поборник смертной казни, может удержать только «реальный страх виселицы»[1598]. «А одному негодяю, смотрителю тюрьмы (Симсон), говорившему с упоением о «кусочке веревки, затянутом вокруг шеи, чтобы прекратить жизнь», я сказал, что это – христианство во вкусе Победоносцева и садизм. Я был в ярости. О, какая ехидна! Он готов был съесть меня», – увлеченно рассказывал Петр Алексеевич в письме Жану Граву[1599].

В начале августа Кропоткин снова дома, в Брайтоне, но уже в середине месяца на две недели они с женой, дочерью и ее мужем отправились отдохнуть в деревню Челвуд-Чэмп, которая располагалась посреди соснового леса близ Акфилда в графстве Суссекс. В брайтонском коттедже на это время разместились Черкезовы. Но и здесь отдохнуть не удалось: все время занимали переписка и редактирование русского перевода книги о Французской революции[1600].

Внимание Кропоткина привлекла разгоревшаяся в русских анархистских кругах дискуссия о роли интеллигенции в революции. Возражая против тех, кто считал интеллигенцию одним

из угнетающих классов, Петр Алексеевич писал Георгию Гогелиа, что такие «нападки на интеллигентов вообще несуразны и вредны».

Кропоткин был убежден: из того, что интеллигенты «в пропорции 100 против одного пошли к социал-демократам», а «университетское образование, кладя центр тяжести всякого прогресса в организации власти, правительства, насквозь проникнуто антинародным духом», никак не следует, «чтобы кто-нибудь имел право натравлять рабочих против интеллигентов». Ведь и многие рабочие примыкают к социал-демократам «именно потому, что их прельщает идеал академических „историй“ – организация власти. И рабочий, и „интеллигент“ могут быть буржуями»[1601].

Сам Петр Алексеевич воспринимал себя и как революционера, и как «культурного» работника. «Я, со своей стороны, всегда старался быть "культурником", т. е. насадителем знания, одновременно оставаясь революционером»[1602], – писал он 27 марта 1913 года издателю Николаю Александровичу Рубакину (1862–1946).

Несмотря на свой интерес к рабочему движению и революционному синдикализму, почти постоянно болевший теперь Кропоткин не смог присутствовать на таком важном событии, как международный синдикалистский конгресс, который проходил в Лондоне в сентябре – октябре 1913 года. Делегаты от революционных профсоюзных объединений Британии, Швеции, Дании, Германии, Нидерландов, Бельгии, Франции, Испании, Италии, Бразилии, Кубы и Аргентины договорились о создании международного объединения. Это был шаг к возрождению Интернационала как союза рабочих организаций – так, как этого всегда хотел Петр Алексеевич. Важная организационная работа выпала на долю его ближайшего соратника Александра Шапиро. Он работал переводчиком на конгрессе, и участники высоко отзывались о его объективности, уравновешенности и самообладании[1603].

Мощные всеобщие стачки угольщиков и транспортников в Великобритании в последние предвоенные годы внушали оптимизм старому революционеру. В письме к Марии Гольдсмит в январе 1914 года Кропоткин с восторгом рассказывал о том, как во время стачки перевозчиков угля газета The Times предложила, чтобы уголь продавал сам профсоюз рабочих-нагрузчиков, без хозяев и посредников. Кропоткин видел в этом признак того, «до какой степени мысль в Англии начинает направляться в сторону перестройки теперешней капиталистической организации»[1604].

Интерес к происходящим событиям по-прежнему не мешает Петру Алексеевичу обращать внимание на вопросы науки и философии, которые он все так же считает важными. В это время он продолжает заниматься вопросами биологии, дарвинизма и ламаркизма, а также вступает в полемику с философскими взглядами Анри Бергсона. Петру Алексеевичу не могли понравиться атаки философа на рациональное познание и понятийный тип мышления, которым тот противопоставлял иррациональную интуицию и основанное на ней творчество как космический объективный процесс. Идеи Бергсона были тогда в большой моде и привлекли анархистов-индивидуалистов во главе с Андре Коломером (1886–1931). Эти «новаторы» были не прочь соединить бергсонизм с учением Макса Штирнера о «Единственном» и его эгоистическом утверждении в обществе и мире. На их стороне выступили многие символисты и футуристы. Кропоткин же отстаивал научность познания.

* * *

Теоретическая и издательская работа Шапиро и Кропоткина во многом подготовила и попытку объединения российского анархического движения. С 28 декабря 1913-го по 1 января 1914 года прошла первая объединительная конференция русских анархистов-коммунистов за границей. На ней была представлена и русская анархистская эмиграция в Лондоне, в том числе Александр Шапиро и еврейские рабочие-анархисты из Уайтчепела. Было принято решение создать в Лондоне Секретариат Федерации русских групп анархистов-коммунистов за границей, в состав которого вошел и Шапиро. Учреждался также Издательский комитет. Кропоткин приветствовал сплочение анархистских сил. «Вы все очень умно распорядились, созвав Конференцию, и результаты, я надеюсь, она даст прекрасные», – писал он Марии Гольдсмит[1605].

Кропоткин отправлял статьи и в основанную на конференции газету «Рабочий мир». По просьбе ее редактора Георгия Гогелиа он составил список своих опубликованных работ, напечатанный в № 4 от 9 декабря 1912 года[1606]. Но участвовать в редактировании этой газеты Кропоткин не хотел. Мария Гольдсмит утверждает, что издания, являвшиеся органом какой-то большой политической организации, были ему не по душе: «...он не любил т[ак] наз[ываемых] „официальных органов“ партий или федераций, которые всегда должны отражать взгляды всех членов, или какое-то „среднее“ мнение организации. Он предпочитал органы небольших групп, члены которых хорошо между собою спелись; все издания, в которых он принимал близкое участие, были именно такого типа»[1607].

Он возлагал надежды на подъем социальных движений в России, по-прежнему уповая на синдикалистские профсоюзы и кооперативное движение. «На чем останавливаться в будущем? Сама жизнь диктует: рабочее движение, синдикализм, – продолжал он в еще одном из писем к Марии Гольдсмит. – Тот же самый вопрос везде поставлен: Соединенные Штаты, Англия, Франция, Италия... Другое крупное движение в России – это кооперация. <...> Это нечто поразительное... Но наши этим еще не увлекаются, так что тут опасности нет. Но парламентаризм, действительно, опасность. Везде делаются попытки загнать рабочее движение, синдикаты, в эту конюшню»[1608].

* * *

Сам Петр Алексеевич на конференции русских анархистов не присутствовал. Врачи заверили его, что зимовать ему в Брайтоне опасно: в левом легком все еще находился очаг инфекции[1609]. Кропоткин обдумывал варианты: поехать в Рапалло или в английский городок Торки. В итоге выбор пал на Лигурийскую Ривьеру в Италии, ведь путь в Швейцарию был закрыт. В начале декабря 1913 года Кропоткины отправились в прибрежный итальянский городок Бордигера, расположенный неподалеку от границы с Францией и знаменитый своими природными красотами; их в 1884 году запечатлел на своих картинах Клод Моне. Курорт славился замечательными видами, роскошными пальмовыми рощами и прекрасными виллами. Здесь никогда не бывало туманов, снег выпадал раз в четыре года, а температура зимой держалась на уровне одиннадцати – двенадцати градусов. Большую

часть времени в Бордигере светило солнце, насчитывалось лишь сорок дождливых дней в году.

Это была последняя поездка Кропоткина на юг. Дорога из Англии в Италию по-прежнему вела через Париж, но переезд через Ла-Манш оказался мучительным и так утомил путешественников, что сил встречаться с кем-то не было. Переночевав в Париже и Марселе, Кропоткины около 11 декабря добрались до Бордигеры и поселились в коттедже «Эрнесто империали»[1610]. Местность «очень красива, – сообщал Кропоткин врачу Тоньоле. – Бесподобный, очень оживляющий воздух, солнце восхитительно согревает до 4 часов, а после – вечером и ночью – очень холодно... С моими легкими я чувствую себя здесь очень хорошо»[1611]. Однако в Локарно Петру Алексеевичу нравилось больше: «...я не могу приспособиться к здешнему климату, – жаловался он Бертони. – Когда солнечно, я страдаю от влажной жары – я не могу сделать прогулки скорым шагом, чтобы наполнить легкие воздухом. Едва хватает храбрости вылезть на солнце. Это мне наскучило. Мне не удастся продуктивно поработать ежедневно даже 4-5 часов. И работа вовсе не двигается»[1612].

Лигурийский писатель Джакомо Фердинандо Натта (1892-1960), видевший Петра Алексеевича на улицах Бордигеры, вспоминал о нем: «Худой, высокий, подвижный как юноша, он выскакивал из дверей пансиона "Кораджо" на улицу, проходящую через сады мимо вилл, так стремительно, как будто выпрыгивал из окна. Его лицо выражало недоверие. Весь в черном, с белой аккуратной бородой. Он не выглядел барином. Когда он проходил мимо, мои глаза светились восхищением»[1613].

На лигурийском курорте Кропоткин смог подлечиться, немного отдохнуть и снова увидеться с Софьей Лавровой, приехавшей из Петербурга. Снова были встречи с друзьями: к Петру Алексеевичу приезжали итальянские анархисты и Жан Грав, а сам он ездил в Ниццу повидаться с бывшим народником, литератором Михаилом Осиповичем Ашкинази (1851-1914), и с российско-польским революционером Каспаром-Михаилом Турским (1847-1926)[1614]. Во время поездки в Милан Петр Алексеевич встречался с итальянскими знакомыми, включая искусствоведа и суперинтенданта музеев Этторе Модильяни (1873-1947)[1615]. Впрочем, совсем уйти от дел и забот старому революционеру не было дано. И в Бордигере ему пришлось – пусть и по переписке – заниматься проблемами российской анархистской эмиграции. Петра Алексеевича активно пытались втянуть в очередные внутренние «разборки» среди российских анархистов.

Приходится в сто пятый раз участвовать в дискуссиях, которые снова и снова разгорались в мировой анархистской печати по таким животрепещущим вопросам, как синдикализм, организация будущего анархистского общества, парламентаризм, антимилитаризм и т. д. «Полемика наших газет, конечно, глубоко волнует меня, и я писал много, – сообщает Петр Алексеевич Марии Гольдсмит. – Я не хотел выступать публично: боюсь подлить масла в огонь, но писал всем... Меня утешает одно, что моими письмами мне удалось ввести полемику в более спокойное русло, а то наговорили бы друг другу много нехорошего»[1616].

Кропоткины уехали из Бордигеры в начале июня 1914 года. Отказавшись от намерения провести пару недель на озере Лаго-Маджоре, они направились назад, в Брайтон. С собой Петр Алексеевич привез книг общим весом в триста двадцать килограмм – на сто

восемьдесят больше, чем увозил в Италию![1617] В Лондоне планировалось проведение русского общеанархического съезда (22–25 августа) и международного анархистского конгресса (август – сентябрь), и Кропоткин готовился к ним. Но этим планам помешала Первая мировая война, которая не только навсегда изменила судьбы Европы и мира, но и разделила Петра Алексеевича со многими из его ближайших друзей и товарищей.

* * *

Вспыхнувший военный конфликт расколол не только мировое социалистическое движение, но и анархистов. Большинство социал-демократических партий и лидеров воюющих стран поддержали свои правительства и их военные усилия. Второй Интернационал фактически распался. Анархисты давно критиковали социал-демократов за соглашательство с властью и открыто пропагандировали свой антимилитаризм. Международный анархистский конгресс, заседавший в 1907 году в Амстердаме, выразил надежду, «что заинтересованные народы на всякое объявление войны будут отвечать восстанием», а «анархисты подадут пример»[1618]. Французская ВКТ, чья позиция по вопросу о милитаризме складывалась под сильным влиянием анархистов, на своем конгрессе в 1912 году постановила в случае войны саботировать мобилизацию. Синдикалистские круги предполагали ответить на войну всеобщей забастовкой. Тем не менее, когда война разразилась, анархистское и революционно-синдикалистское движение оказалось перед ее лицом не менее беспомощным, чем социал-демократия. Руководство ВКТ после недолгих колебаний отказалось от саботажа мобилизации и объявления всеобщей стачки. Лидер профобъединения Леон Жуо (1879–1954) провозгласил, что его организация перешла на позиции поддержки войны против Германии, восприняв и повторив все постулаты официальной государственной пропаганды.

Петр Алексеевич, как и многие из его современников, предчувствовал приближение большой войны, хотя сам момент ее начала застал его врасплох. Кропоткин никогда не был пацифистом, в отличие, скажем, от таких его друзей, как нидерландец Домела Ньивенхёйс. Антимилитаристом – да! Но его отношение к вопросу о войнах всегда было подчинено революционным соображениям. Его интересовал вопрос: как конфликт между государствами отразится на возможностях совершения социальной революции и продвижения к анархистскому обществу. Он, как мы помним, не верил, что простое поражение именно «своего правительства», которое провозглашали, например, многие противники самодержавия во время Русско-японской войны, будет способствовать росту освободительных настроений. Наоборот, Кропоткин опасался того, что поражение в войне вызовет подъем националистических настроений. Такой взгляд не означал, что Кропоткин в то время склонялся к тому, чтобы поддержать какую-либо из воюющих сторон. Он в равной мере осуждал и русскую экспансию на Дальнем Востоке, и завоевательные устремления Японии, и империалистические интересы США и Британии в регионе, зато солидаризировался с японскими социалистами-антимилитаристами.

Как же следовало революционерам, с точки зрения Кропоткина, ответить на войну, организованную и объявленную правящими классами и государствами? Ни в коем случае не защищать «свое» правительство и не становиться на сторону «своего» государства. Но и не

выбирать пацифистское бездействие и непротивление. «Если Франция подвергнется вторжению какой-либо военной державы, – писал Петр Алексеевич в письме в газету Temps, – долг революционеров не скрестить руки и предоставить карт-бланш захватчику. Он в том, чтобы начать социальную революцию и защищать территорию революции, чтобы продолжать ее. Формула «стачка призывников» недостаточно выразительна. Ее недостаток в том, что она умалчивает о главной цели пропаганды и она оставляет место для неправильных истолкований. Она ничего не говорит о революции и ничего не говорит о необходимости, в которой окажутся революционеры, – необходимости защищать с оружием в руках против буржуазных орд и против империалистов германских, английских и, возможно, русских интервентов каждый клочок французской территории, который будет охвачен революцией»[1619].

Книжник-Ветров вспоминал, как во время Лондонского съезда «хлебовольцев» в октябре 1906 года выступил с докладом, доказывая, что в случае войны анархисты должны дезертировать, отказываться от призыва в армию и «всячески мешать войне». Он уверял, что Кропоткин возражал ему, говорил об агрессивных планах Германской империи, называл ее опорой «общеевропейской реакции». (Что же, мы читали о его позиции в 1905–1906 годах и знаем, что он был противником пацифизма, считая, что только революция может остановить войны.) Императора Вильгельма II он назвал «коронованным жандармом», а династию Романовых – «Голштейн-Готторпами». Кропоткин прошелся и по немецким социал-демократам, вспомнив о том, как Маркс и Вильгельм Либкнехт интриговали против Бакунина. В итоге пацифистская антивоенная резолюция Книжника-Ветрова была провалена[1620].

Но буквально через день Кропоткин в личной беседе высказал Книжнику-Ветрову иную мысль. Вскоре, уверял он, «Россию ждет война на Ближнем Востоке». В этот конфликт будет вовлечена вся Европа. «...Эта война разбудит самые низменные инстинкты и приведет цивилизованные народы к одичанию, если революционная часть народов Европы не сумеет использовать этой войны для свержения капитала и государственной власти»[1621]. В чем же дело? Как соединить эти мысли?

Итак, в случае начала войны обязанность социальных революционеров состоит в том, чтобы начать революцию, защитить и распространить ее всеми возможными силами. Такова была «традиционная» позиция революционера-анархиста Кропоткина. Он решительно возражал против любых попыток приписать ему стремление к защите «буржуазного отечества».

Войну в защиту революции Петр Алексеевич представлял себе в виде народного повстанчества. «Я думаю, – писал он Бертони 27 августа 1913 года, – что банды "революционных стрелков", поднимающих массы и объявляющих крестьянскую войну захватчикам, кто бы они ни были – немцы, русские, французы, – является единственным средством выгнать захватчиков – русских из Польши, немцев из Франции, французов из Марокко и т. д. Война со сложенными на груди руками против войны не будет достаточна. Придется выступить с оружием в руках против войн. С оружием в руках – с чем ты говоришь во время всеобщей забастовки»[1622].

Письму предшествовал долгий шестичасовой разговор между Кропоткиным и Бертони о войне и антимилитаризме. Обсуждали они и вопрос о возможной грядущей войне между Германией и Францией. И вот тут-то швейцарский анархист, к своему изумлению и огорчению, почувствовал, что позиция старого теоретика изменилась. Бертони по-прежнему настаивал, что главное – это революция. «Революция во что бы то ни стало, даже при условии быть разбитыми, потому что самое худшее поражение – это то, которое постигает нас без битвы или, что еще хуже, сражаясь в неприятельских рядах», – так описывает его взгляд Неттлау. Кропоткин уже склонялся к идее защиты нынешней Франции, еще далекой от революции, от германского вторжения. «Мы расстались глубоко потрясенные разностью наших взглядов, – вспоминал Бертони. – Кропоткин чувствовал, что большинство наших товарищей разделяли мои взгляды, между тем как я был заранее невыразимо огорчен влиянием, которое он будет, несомненно, иметь на некоторых наших друзей, и тяжелыми последствиями, которые его образ мыслей будет иметь на наше движение. К тому же невыразимо тяжело быть в конфликте с человеком, которого глубоко любишь и уважаешь»[1623].

* * *

С началом Великой войны, как называли ее современники, Петр Алексеевич уже ни минуты не колебался в определении своего отношения к происходящему. Во всем виновата Германия, считал он. Настал момент, писал он уже 29 июля Марии Гольдсмит, когда Париж «опять придется защищать от немецких гуннов – Париж и послереволюционную цивилизацию Франции»[1624]. Буржуазная Третья республика была для него теперь революционным завоеванием, которое необходимо отстоять от реакционной кайзеровской Германии. От защиты революции старый анархист перешел к идее защиты демократии. Но именно таково и было официальное обоснование войны правительствами западных государств Антанты, нимало не смущавшихся хотя бы уже тем, что «свободу» они намеревались «отстаивать» в теснейшем союзе с царским самодержавием.

Исследователей и историков отношение Кропоткина к Первой мировой войне интересует, пожалуй, не меньше, чем его современников. В нем чудится какая-то загадка, тайна, требующая объяснения. Почему, с чего вдруг человек, провозглашавший чистоту анархистской доктрины и радикальную неуступчивость по отношению к государству, правящим классам и политической демократии, превратился в защитника демократического «меньшего зла»? Да и «вдруг» ли произошел такой поворот? Исследователи Джордж Вудкок, Иван Авакумович и Мартин Миллер обращают внимание на то, что Петр Алексеевич еще с 1880-х годов обличал экспансионизм Германской империи и видел в ней источник будущей большой войны, следуя в этом за ненавидевшим «Кнуто-Германскую империю» Бакуниным[1625].

Роккер в своих воспоминаниях рассказал о своих беседах с Кропоткиным на эту же тему. Их знакомство состоялось в 1896 году. Во время беседы дома у Петра Алексеевича радушный хозяин, знавший об участии Роккера до отъезда в Англию в анархистском движении Германии, сразу же перешел к обсуждению одной из «любимых» тем:

«Затем наш разговор перешел на Германию. Его очень интересовали условия там, потому что он уже тогда боялся надвигающейся войны. Он был убежден, что правительство кайзера работает в направлении, которое делает войну неизбежной. Он считал, что у других держав не будет иного выбора, кроме как принять вызов Германии. Если начнется война, она принесет, по его словам, ужасную реакцию после нее и потерю значительной свободы, даже если Германия потерпит поражение. Только внутренняя перемена в политической и общественной жизни самой Германии могла спасти Европу и весь мир от этой катастрофы.

Но Германия была в то время консолидированным государством, с несерьезной оппозицией правительству кайзера внутри страны. Средний класс был единогласно империалистическим. Социал-демократическое движение, которое включало почти весь немецкий рабочий класс, было огромным идолом с глиняными ногами, который рухнул бы сразу же, если бы что-нибудь случилось. Кропоткин знал условия в Германии. Он не имел иллюзий относительно влияния здесь маленького анархистского движения»[1626].

Германское государство усиливает армию, разрабатывает новые виды вооружений, создает второй в мире по мощи – после английского – военный флот, захватывает колонии. Дело идет к войне. Надежд на революцию в Германии до того, как война начнется, никаких. Анархисты здесь не очень влиятельны, социал-демократы устраивать революцию не планируют, рабочие к революции не готовы. Логично? Пожалуй. Но какие следуют выводы? Выводы, которые сделал Кропоткин в 1905–1906 годах, мы уже воспроизвели в предыдущей главе. Он призывал французских анархистов и революционных синдикалистов, контролировавших самое крупное объединение профсоюзов во Франции, совершить революцию перед войной. А дальше? А потом революционная армия двинется к границам Германии и даст бой агрессору... «Революционная часть народов», в данном случае – французского народа, – и начнет революцию.

Следующая беседа Роккера с Кропоткиным в узком кругу анархистов состоялась в 1913 году. И снова они вернулись к этой теме:

«Он сказал, что он убежден, что Германия готовилась к войне. Это может начаться в любой день. "Я не могу назвать вам точную дату, – сказал он, – но это ненадолго. Германия зашла слишком далеко, чтобы отступить. Когда ты так долго гремишь своим мечом, что весь мир считает тебя угрозой, ты не можешь вдруг бросить трубу и обменять ее на пастушью дудочку. Это было бы унижительно. Германия только ожидает возможности нанести удар.

Германия находится в гораздо более благоприятном положении. Если она выиграет войну, она станет на долгое время неоспоримым диктатором Европы. Ее правители выжмут все, что смогут, из других стран, чтобы быстро возместить ее собственные потери. Германия проиграет войну, она станет проблемой для победителей, и эта проблема не может быть решена без европейской революции. Если Германия будет разбита победителями, она создаст ирреденту[1627], которая не даст Европе мира.

Единственная надежда состоит в том, что новое движение может прийти из побежденной Германии. Но такие движения происходят только в том случае, если условия существуют в умах людей, а я боюсь, что они не существуют среди немецкого народа. Если немцы

потерпят поражение, они скорее будут размышлять о своей уязвленной национальной гордости, чем захотят прислушаться к голосу разума»[1628].

Итак, выводы? Германия готовится к войне. Со своим мощнейшим военным и промышленным потенциалом она может и победить. Общеввропейская война разразится не сегодня, так завтра. Все плохо для анархистов и для человечества. Если она победит, то ограбит побежденные страны и навяжет им свои политические порядки. Если разобьют Германию, то среди немцев широкой волной разольются националистические настроения, они будут одержимы жаждой реванша и «национального возрождения». А дальше – здравствуйте, Адольф Гитлер, нацизм и Третий рейх. Хоть и не Нострадамус, но далеко же ты глядел, Петр Алексеевич... Эх, что же ты не написал об этом подробнее?

Собеседники снова вернулись к обсуждению сценариев действий, которые могли бы предотвратить войну: «Мы спросили Кропоткина, не может ли всеобщая забастовка во всех странах предотвратить войну. Может, ответил он. Но она должна быть одновременной во всех соответствующих странах, и она должна быть завершена до начала боевых действий. Если будут ждать объявления войны, то будет слишком поздно»[1629]. До тех пор он не отказался от своего сценария 1905–1906 годов и был согласен с идеей всеобщей забастовки против войны.

Беседа продолжилась. Испанский анархист Таррида дель Мармоль спросил Роккера, что сделают немецкие социалисты, чтобы остановить вступление Германии в войну? Рудольф ответил:

«Боюсь, что немецкие социалисты вообще ничего не сделают. Германский рабочий класс утратил все понимание прямого действия. Они возложили всю свою надежду на парламентскую деятельность. Самое большее, что мы могли ожидать, – это то, что социалисты в Рейхстаге проголосуют против военных кредитов, но даже в этом не было уверенности»[1630].

– Тогда нет никакой надежды предотвратить войну, – сказал испанец. – Если немецкие рабочие ничего не сделают, то как мы можем ожидать этого от французских и бельгийских рабочих?[1631]

Казалось бы, ясно: для Петра Алексеевича опасность войны исходит в первую очередь от Германии. Это было в чем-то логично: начинает войну всегда тот, кто хочет передела границ, считая себя обделенным при «распиле» мирового «пирога». Но это же не означает, что его противники – безгрешные ангелы! Кропоткин столь же решительно отвергал империалистическую политику и других держав – к примеру, действия Великобритании в Англо-бурской войне. Возможно, он возлагал всю вину за начало мировой войны на Германию, потому что это ее войска вторглись на территорию Бельгии и Франции, а не наоборот? Но его позиция по Русско-японской войне показывает, что анархист прекрасно понимал: в войнах между государствами виноват не только тот, кто «начал», то есть сделал первый выстрел; к войнам ведет столкновение властно-политических и экономических интересов государств и их правящих элит.

Быть может, на взгляды Кропоткина повлияло его негативное отношение к социал-демократии, занимавшей преобладающие позиции в германском рабочем движении? Но он был знаком и дружен со многими немецкими анархистами и долгие годы тесно сотрудничал с ними. Есть даже точка зрения, что с возрастом Петр Алексеевич просто стал более «умеренным», перейдя к своеобразному «анархо-реформизму» и частичному признанию западной демократии[1632]. Но думается, что сам Кропоткин, который до конца дней своих считал себя революционером, с негодованием отверг бы подобные «комплименты»...

А может быть, объяснением служит франкофильство, доведенное стариком до крайних уже пределов? Ведь Кропоткин всю жизнь обожал Францию, преклонялся перед ее революционными традициями и культурой. Эмма Гольдман вспоминала, как во время их встречи в 1907 году в Париже тот был воодушевлен самой возможностью побывать на французской земле. «Я застала его в наибольшем воодушевлении, чем когда-либо раньше, он выглядел небывало энергично и жизнерадостно, – свидетельствует американская анархистка. – Притворившись, что не понимаю причины, я поинтересовалась, что вызвало такую счастливую перемену. "Париж, Париж, моя дорогая! – воскликнул он. – Есть ли еще на свете город, будоражащий кровь, как Париж?"»[1633]

Франция была для Петра Алексеевича не только страной революций, но и эпицентром грядущей социальной революции, которая приведет в итоге к торжеству анархии. А значит, полагал он, Францию надо спасти сегодня, спасая будущую революцию завтра. Владимир Поссе вспоминал, как в начале 1900-х годов Кропоткин говорил ему, что именно «во Франции совершится победоносная коммунистическая революция»[1634].

Так и теперь! Ожидания оказались впереди реальности. «Вооружайтесь все. Делайте сверхчеловеческие усилия! – зывал он к французским анархистам. – Только эту цену сможет Франция отвоевать свое право и силу, чтобы вдохновлять своей цивилизацией, своими идеями свободы, коммунизма, равенства, братства народов Европы. Проснитесь! Не давайте этим злодеям-завоевателям снова раздавить латинскую цивилизацию и французский народ, у которых уже был 1848 год, была Коммуна 1871 года, тогда как у немцев не было еще 1793-го! Не дайте наложить на Европу ярмо целого столетия милитаризма!»[1635]

Но дело не ограничивалось защитой Франции. Теперь Кропоткин призывает и жителей России «бороться до последней крайности с озверевшими завоевателями», уверяя, что уступить Германии хотя бы Польшу и Прибалтику означало бы «добровольно обречь себя на то полстолетие застоя всей революционной деятельности, которое последовало за торжеством Германии в 1871 году и последовало бы в России»...[1636]

Мы не станем здесь делать выбор в пользу того или иного предположения. Возможно, сам Кропоткин мог бы, после глубинного самоанализа, разрешить загадку. Если бы захотел. Нам же достаточно здесь сделать вывод: так или иначе, Петр Алексеевич совершил шаг, противоречивший самой сути его собственных идей. Иными словами, изменил сам себе. И неудивительно, что большинство анархистов мира предпочли теперь защищать идеи Кропоткина от него самого – и если понадобится, то даже вопреки ему самому!

Ох, Петр Алексеевич! Никто не ожидал...

«Хотелось бы мне очень поговорить с Вами о нашем общем друге П. А. К[ропоткине]. Положительно понять его не могу... Как хорошо могли бы мы использовать войну за наши идеи, если б он и еще некоторые вдруг не стали такими яркими патриотами!»[1637] – сокрушался Яновский в письме Марии Гольдсмит.

Она, «Маруся», да старый друг Варлаам Черкезов поддержали... Заняли позицию, близкую к той, на которой стоял теперь Кропоткин. Однако большинство российских анархистов решительно осудили войну и тех левых, кто выступил в ее поддержку.

В момент объявления войны «надо было восстать и уничтожить строй грабежа и, если бы после оказалось нужным, взяться за оружие против германцев», – говорилось, например, в листовке петербургской «Северной группы анархистов». «Если мы не сумеем предотвратить бойни, – писали в ноябре 1914 года петербургские анархисты, – то пусть страдания наших товарищей, отцов, братьев и сыновей на войне, и голод, и слезы, и ужас разорения оставшихся осветят нам путь к освобождению. Он заключается в разрушении государства, а не в переделке, в созидании свободного строя безгосударственной власти»[1638].

Анархистские группы в России распространяли нелегальные листовки против войны. Находившаяся в Швейцарии группа эмигрантов вокруг журнала «Набат» (Рогдаев и другие) обвинила в войне государства и капитализм: «Эта война, будучи войной экономической, войной рас и национальностей, иначе говоря, войной буржуазной – в то же время является социальной войной международной буржуазии против пролетариата...» Анархисты выражали уверенность в том, что патриотический угар вскоре улетучится под влиянием реальных страданий и тягот войны, а пока, подчеркивали они, «станем готовиться, будем сеять всюду дух мятежа и возмущения» с тем, чтобы война была остановлена социальной революцией[1639].

Еще один старый соратник Кропоткина, Малатеста, находившийся в эмиграции в Лондоне, резко осудил войну и призвал к борьбе против нее. «Я признаюсь, что никогда не мог бы поверить в возможность того, что социалисты – пусть даже социал-демократы – станут аплодировать такой войне, как та, которая сейчас опустошает Европу, и добровольно участвовать в ней, будь то на стороне Германии или союзных держав. Но что можно сказать, когда то же самое делают анархисты – правда, немногие, но среди них находятся товарищи, которых мы больше всего любим и уважаем?» – писал он в ноябре 1914 года в статье «Анархисты забыли свои принципы»[1640]. Трудящимся все равно, немецкий это капитализм или французский!

Призывы к участию в войне на стороне Антанты отвергло революционно-синдикалистское профсоюзное объединение – «Итальянский синдикальный союз». Как объяснил анархист Армандо Борги (1882–1968), избранный его новым секретарем, война идет на пользу «не трудящимся, а хозяевам и монархии». Большинство делегатов одобрили резолюцию

анархиста Альберто Мески (1879–1958), в которой выражалась надежда на то, что «пролетариат всех воюющих и нейтральных стран сумеет найти в себе дух классовой солидарности и революционную энергию для того, чтобы воспользоваться неизбежным ослаблением сил государства и общим кризисом, вытекающим из самой войны, для согласованного совместного действия по сокрушению буржуазных и монархических государств, которые на протяжении 50 лет сознательно и цинично готовили эту войну»[1641]. Эта точка зрения была характерна для большинства анархистов, в том числе и британских из Freedom.

В решительную полемику с Кропоткиным и другими сторонниками Антанты вступил Рудольф Роккер. В октябре и ноябре 1914 года он опубликовал ряд статей в еврейской анархистской газете *Arbeter Fraynd*, обвинив своих оппонентов в измене идеям анархизма. В декабре Роккер, как немец, выходец из враждебного государства, был арестован и интернирован в лагере; освободили его только в 1918 году. Несмотря на разногласия с Роккером, Кропоткин сохранил с ним дружеские отношения, писал письма в лагерь и даже прислал книгу из своей библиотеки. Предварительно он стер все свои карандашные пометки, чтобы лагерные чиновники не завернули ее обратно. По отношению к своему другу он проявил чудеса корректности, фактически оправдав его выбор: «По сути, это вопрос убеждения. Человек никогда не должен отстаивать свое дело, если его сердце не находится в нем. Эта ужасная катастрофа закончится, и тогда мы снова будем вместе, как и прежде, в великом деле человеческой свободы, которое является делом всех нас»[1642].

Но пока что он не был готов ни к каким совместным действиям с антивоенным крылом анархистов. Об этом он открыто заявил в письме к Александру Шапиро в январе 1916 года, отказавшись от издания анархистского «Альманаха» – сборника статей о событиях Первой мировой войны. Шапиро предполагал на его страницах полемику между интернационалистами и оборонцами. Но Кропоткин возражал и против этого: «Товарищам своим по группе можешь сказать, что я отказываюсь писать в сборнике разношерстных направлений, что такие сборники я считаю вредными, они сбивают с толку людей». И просил «ни строчки моего не включать в этот сборник»[1643]. Вместе с тем он примирительно замечал, что вообще не хотел бы «возбуждать новых полемик между анархистами», даже по этому поводу, и всегда был бы рад, если Шапиро зайдет к нему в гости[1644]. Для Кропоткина разногласия никогда не были поводом к прекращению личной дружбы.

* * *

В феврале 1915 года от имени «Анархического Интернационала» в газете Freedom был опубликован манифест против войны, подписанный тридцатью шестью ведущими анархистами из Италии, Швейцарии, Британии, Франции, США, России, Испании, Нидерландов, Аргентины и Португалии. Среди них были Малатеста, Бертони, Беркман, Эмма Гольдман, Уильям (Владимир) Шатов, Яновский, Гроссман-Рощин, Шапиро, Ньивенхёйс и другие.

Выдержанный в традиционно анархистском духе, документ отвергал концепцию «оборонительной войны» и возлагал вину за мировую войну на государство и капитализм.

«Вооруженная борьба... – говорилось в обращении, – является естественным следствием и неизбежным и фатальным результатом общества, основанного на эксплуатации рабочих, общества, опирающегося на дикую борьбу между классами и заставляющего рабочих подчиняться господству паразитического меньшинства, захватившего в свои руки политическую и экономическую власть». Авторы текста обращали внимание на то, что продолжавшаяся в течение полувека гонка вооружений неминуемо вела к конфликту, а потому бессмысленно «возложить всю ответственность на то или иное правительство». «Ни одна из воюющих сторон не имеет права говорить во имя цивилизации или объявить себя в положении вынужденной защиты». Причины войны «надо искать исключительно в факте существования государства, являющегося политической формой привилегии».

Но что остается делать в ситуации, когда мировая бойня уже началась? «Роль анархистов в нынешней трагедии, – подчеркивалось в тексте, – при всяком положении выступать со своей пропагандой, говорящей о том, что есть только один род войны за свободу: это война, которую ведут во всех странах угнетенные против своих угнетателей. Наша задача – звать рабов к возмущению против своих господ». Анархистская пропаганда призвана «стремиться к ослаблению и уничтожению всех государств; она должна культивировать дух сопротивления и вызывать недовольство в народах и армиях». Авторы манифеста выражали надежду на то, что война и ее тяготы неизбежно вызовут общественные потрясения: «Мы должны воспользоваться всеми бунтовскими движениями, всеобщим недовольством, вызвать восстание и организовать революцию, которая, мы надеемся, положит конец всем социальным несправедливостям» и навсегда уничтожит государства, войны и милитаризм. «Всем угнетенным мы скажем, что они не должны расстаться со своим оружием, пока они не свели счеты со своими угнетателями, пока они не захватили в свои руки земли, фабрики и мастерские»[1645]. Речь шла, таким образом, о превращении войны в социальную революцию.

В марте 1916 года Кропоткин вел переговоры с Гравом, голландским синдикалистом Христианом Корнелиссеном (1864–1942) и Черкезовым об издании анархистского журнала, который отстаивал бы их позицию. Но в итоге было решено: «Сейчас неподходящий момент для издания журнала, в котором нужно было бы сказать столько вещей, которые в данное время было бы невозможно высказать»[1646]. Сомневался он и в том, что, кроме оборончества, его сторонники смогут формулировать общую программу. Слишком много разногласий у них было еще до войны[1647].

* * *

Кропоткин оказался в щекотливом положении, когда сотрудничать с российским, да и с другими правительствами он не мог уже в силу своей роли и заслуг в революционном движении, как и в силу собственных убеждений. Ну а поддержать антивоенное большинство анархистов не желал в силу занятой им позиции. Очень точно эту ситуацию охарактеризовал американский историк Пол Аврич: «Отчужденный от правительства своими анархистскими убеждениями, а от революционных левых своей поддержкой войны... он превратился в изолированную фигуру»[1648].

Критика со стороны одних анархистов и колебания других раздражали Кропоткина. Например, Жан Грав бросился сочинять проекты мирного разрешения начавшегося военного конфликта. Кропоткин же призывал к войне с Германией до победного конца, «за великое дело цивилизации», какого «не было за 100 лет»[1649], вспоминал об отношении Бакунина к Германии, о защите Франции в период Великой Французской революции и Франко-прусской войны. Впадая в настоящую германофобию, Петр Алексеевич не стесняется в выражениях по поводу «современных гуннов»[1650], как он снова и снова называет немцев, за что ему выговорил в письме старый друг-анархист Яновский из США. «Сказать трудно, до чего мне Франция – ее поля, крестьяне в полях, ее дороги, самый ландшафт мне дороги, насколько они мне родные... – признается он Марии Гольдсмит. – И вдруг все это дано на разграбление и сожжение подлым гуннам»[1651]. Он склонен возлагать вину на немецкий народ в целом!

Упрямо и настойчиво старик пытается превратить нужду в добродетель. Теперь он пробует представить дело так, что общественные процессы, вызванные или ускоренные войной, открывают дорогу к анархистскому коммунизму. «Нынешняя война, – заявляет он, – затрагивает такие глубокие стороны жизни экономической, что является возможность для рабочих и крестьян строительства в коммунистическом направлении, если рабочие и крестьяне окажутся на высоте требуемого строительства, творчества и не предоставят всего в руки Ллойд-Джорджа[1652], Вивиани[1653] etc.».

Он наблюдал за мерами в духе огосударствления части отраслей экономики в Великобритании и надеялся убедить трудящихся «латинских» стран «перехватить» инициативу «социализации пищи, угля и т. д.» в ходе войны у государства. «Выступить с этой коммунистической творческой деятельностью»[1654]. Он мечтал о том, что профсоюзы и кооперативы смогут взять на себя функции регулирования производства и распределения, пока трудящиеся на фронтах будут вести «народную войну».

В то же самое время Кропоткин продолжает размышлять о необходимости основания «рабочего Интернационала» вместо международного союза социал-демократических партий[1655]. Интернационал, созданию которого он готов помогать, должен быть международным профсоюзным объединением рабочих, преследующим «свои, экономические цели, которые надо понимать в самом широком смысле перестройки экономической жизни общества, его производства и потребления». В ходе «войны народов» им придется напрячь все силы, и это потребует таких «коммунистических» мер, как обобществление угольных копей, транспорта и продовольственных запасов. «Но для этого есть два пути. Можно предоставить все государству или же работать для передачи всей этой громадной организации потребления и производства городам, коммуна – организациям профессионально сплоченных производителей, то есть новым кооперативам потребителей»[1656], надеялся он. Как видим, не только социал-демократы или Ленин считали военный «государственный социализм» прямой подготовкой настоящего социализма! Правда, в отличие от них, Кропоткин понимал социализм иначе, по-анархистски.

* * *

Между тем здоровье Петра Алексеевича продолжало ухудшаться. В марте 1915 года старик снова заболел. Петр Алексеевич мог работать лишь по три часа в день – он страдал от сильных болей в левой почке. 23 марта Кропоткина перевезли в маленькую частную лечебницу и сделали операцию дыхательных путей. Рана от операции быстро зажила, но возвратились старые проблемы с желудком, мучившие Петра Алексеевича еще с 1876 года. Больной сильно похудел, временами возвращалась температура. Почки, желудок, поражение слюнных желез, проблемы с желудочным соком, панкреатит... Врачи подозревали малярию. Казалось, старый больной организм просто отказывается. Кропоткин работал в постели, вставал часа на два и сидел в кресле, ходить он почти не мог. К тому же слегла с гриппом Софья Григорьевна, возвратившаяся из поездки в Шотландию, где она участвовала в митингах и собирала средства в помощь разоренной войной Польше.

Врачи назначили Кропоткину еще одну операцию, но ждали, пока пройдут желудочные боли. Хотя он верил в профессионализм врача, но на всякий случай поручил Марии Гольдсмит заняться публикацией его рукописи по биологии. Хирургическое вмешательство было успешным, и в середине мая врач выписал Петра Алексеевича домой, под наблюдение женщины-фельдшера. Сначала он вообще не мог выходить из дома сам, и его на пару часов вывозили в кресле на колесах, чтобы подышать воздухом. «И вот я проводил каждый день по 3 часа на берегу моря, – сообщает он Марии Гольдсмит 23 июня. – Рана зажила, начал было ходить (доходя до 200–300 метров), но дней 10 тому назад рана снова открылась. Пришлось прекратить хождение и снова лечь в постель на несколько дней»; работать он не мог. «Я обратился, безусловно, в обтянутый кожей скелет с какими-то неясными намеками на мускулы. Сейчас все, кажется, опять налаживается. Рана опять затянулась, и к работе является охота»[1657].

Но улучшение здоровья продержалось недолго. Рана от операции никак не хотела заживать. В августе Петру Алексеевичу пришлось опять перейти на постельный режим и лечь на операционный стол, чтобы очистить рану. Кропоткин вынужден был много времени проводить в постели, работать же был почти не в состоянии. Лондонский хирург Уотсон Чейн (1852–1932) дал больному совет перетерпеть до марта 1916 года.

Несмотря на напасти, Кропоткин по-прежнему упрямо пытался защитить и распространить свою позицию по войне. Он лично разработал и разослал для обсуждения проект заявления о «мире»[1658], который лег в основу так называемого Манифеста 16. Эта декларация была выпущена 28 февраля 1916 года группой видных участников движения (в основном из государств, входивших в Антанту). Документ подписали, кроме самого Кропоткина, Черкезов, Жан Грав, голландец Христиан Корнелиссен и несколько анархистов из Франции, Бельгии и Японии.

Всю вину за возникновение войны авторы декларации возлагали исключительно на германский блок: «Мы глубоко убеждены, что немецкое нападение было угрозой – приведенной в исполнение – не только против наших освободительных надежд, но и против всей человеческой эволюции, – говорилось в заявлении. – Вот почему мы, анархисты, антимилитаристы, враги войны, горячие сторонники мира и братства народов, встали в ряды защиты и не сочли возможным отделить свою участь от участи всего остального населения». Они решительно отвергли любые мирные переговоры, так как «говорить в

настоящий момент о мире – значит играть на руку немецкой министерской партии». «Вместе с теми, кто принимает участие в борьбе, мы считаем, что вопрос о мире не может стоять до тех пор, пока немецкое население не вернется к более здоровым представлениям о справедливости и праве, пока не откажется быть орудием проектов господства пангерманской политики», – заявляли подписавшие декларацию, поддерживая официальную позицию государств Антанты[1659].

Хотя провоенные позиции большинства авторов «Манифеста 16» уже были известны и прежде, его появление произвело в анархистской среде впечатление разорвавшейся бомбы. Тем более что его сторонники намеревались собрать в Лондоне международный конгресс для обсуждения своей позиции.

Ответ противников войны не заставил себя ждать. Малатеста опубликовал во Freedom статью «Анархисты – сторонники правительства», которая затем была издана как брошюра «Правительственные анархисты» с резкой критикой в адрес активистов, подписавших манифест. Документ «окопных анархистов» осудили Эмма Гольдман и Александр Беркман, Роккер, Ньивенхёйс, французский анархист Себастьян Фор (1858–1942), российский анархист Всеволод Михайлович Волин (1882–1945). В апреле 1916 года «Интернациональная группа лондонских анархистов» выпустила собственную декларацию. Ее составители провозглашали, что любое сотрудничество с государством и правительством в борьбе с другими государствами и правительствами, тем более в ведении войны, несовместимо с анархизмом. Они выразили протест против попыток лиц, подписавших «Манифест 16», «привлечь в свою орбиту неогосударственничества не только анархистское мировое движение, но и саму анархистскую философию». В противовес этому необходимо «собрать под своим флагом всех анархистов, оставшихся верными прошлому, отвергать которое они не видят причин, и более чем когда-либо верящих в правоту своих идеалов»[1660].

Большинство анархистов в самой России сочли Кропоткина отступником. Негативными были отклики на «Манифест 16» и большей части русских анархистов-эмигрантов. Парижская группа анархистов заявила, что «не только не может отныне считать подписавших "Декларацию" лиц своими товарищами по борьбе, но вынуждена решительно относиться к ним как к хотя и бессознательным, но от этого не менее действительным ВРАГАМ РАБОЧЕГО ДЕЛА»[1661]. Представители Женевской группы, упомянув персонально Кропоткина, провозгласили: «Те, кто призывают народ к участию в войне, не могут быть ни анархистами, ни антимилитаристами... Они вырывают душу анархизма и бросают ее на растерзание служителям милитаризма. Мы же остаемся на старом посту»[1662]. Даже близкий к Кропоткину Александр Шапиро не был согласен с его позицией, хотя продолжал поддерживать с ним дружеские отношения. Мария Гольдсмит тоже заколебалась, хотя и продолжала защищать его позицию в полемике на страницах газеты «Голос труда».

Впрочем, иногда приходили письма его единомышленников, отправившихся добровольцами на фронт. Таким был подписавший «Манифест 16» Жак Герен (1884–1920) – сотрудник Les Temps Nouveaux. Этот анархист-волонтер заслужил благодарности Кропоткина за «чудное письмо» с фронта. «Он потерял брата, ты знаешь. Но письмо дышит глубокой верой в торжество этой чудной теперешней французской молодежи, готовой лечь, ч[то]б отстоять идеал республиканской Франции». Да, именно идеал «республиканской Франции»[1663]. А

как же Анархия? Быть может, правы были противники войны из числа учеников Кропоткина: выступивший на стороне одной из воюющих коалиций переставал быть анархистом?

О печальных перспективах анархистского движения Кропоткин тоже задумывался. В июле 1916 года он написал об этом Корнелиссену и Черкезову. Война расколола анархистское движение в мировом масштабе, и теперь «восстановление дружественных отношений» между анархистскими организациями невозможно вплоть до конца войны. Но что же делать? И Кропоткин предлагал Корнелиссену обдумать возможности объединения анархистов с революционно-синдикалистскими профсоюзами и радикальными социалистами в рамках единого Интернационала. «Этот Интернационал имеет все шансы стать Интернационалом рабочих, который окажется способным собрать вокруг себя все профессиональные группировки, образованные для борьбы на экономической почве рабочими производителями и потребителями, объединенными в одних кооперативах»[1664], – писал Кропоткин. Профсоюзы должны были защищать экономические интересы рабочих, а кооперативы – обеспечить большую экономическую независимость рабочих. Нечто подобное предлагал когда-то Владимир Поссе, посещавший его в начале 1900-х годов. Вспоминал ли о нем тогда Петр Алексеевич?

Полемика по войне ожесточила старого и больного Кропоткина. Он все больше ощущал себя в изоляции. Прежнее дружелюбие по отношению к оппонентам исчезает. В его письмах и статьях появляются резкий тон и грубые нападки. «Болванам, которые никогда ничего не читали, кроме социал-демократических брошюр, – что такое Париж? – негодует он. – Они ведь просят: "А чем Берлин хуже Парижа?" <...> Разве стоит полемизировать с ними?!»[1665] Петр Алексеевич обвиняет своих критиков в уклонении от практической работы, отказе от шансов на «коммунистическое» переустройство экономики. Он по-прежнему настаивает, что вина лежит не только на правителях Германии, но и на всем немецком народе. Кропоткин даже не стесняется называть противников войны «нашими про-немцами»[1666], отдавая дань пропагандистской дихотомии в стиле «кто не с нами, тот против нас», против которой так резко выступал раньше...

* * *

К середине 1916 года здоровье Кропоткина несколько выправилось. Рана от операции наконец зажила. «С колясочкой расстался, после года (!), две недели назад, – пишет он 10 мая Марии Гольдсмит. – Гуляю пешком с Сонею. Вообще недурно, только утомление общее – лениво и малопродуктивно работаю»[1667].

К этому времени, вероятно, относится его встреча с Милюковым. Как вспоминает лидер кадетов, Кропоткин встретил его радушно, как дорогого гостя: «Действительно, Кропоткин только что вынес тяжелую операцию. Но я был поражен, когда по узенькой винтовой деревянной лестнице сбегал ко мне эластическими шагами юноши знакомый мой старик с окладистой белой бородой и с необыкновенно живыми добрыми глазами»[1668]. Оказалось, старик по-прежнему пристально следил за политической ситуацией в России и даже высказал одобрение действиям либеральной оппозиции в Государственной думе, объединенной в Прогрессивный блок[1669].

